

Из геральдического наследия Геннадия Ивановича Королева

Часть II. Зарубежная и отечественная геральдика

В пятом томе альманаха «Гербоведение» начата публикация статей доктора исторических наук, профессора Г.И. Королева, предназначенных для несостоявшегося научного проекта – энциклопедии по специальным историческим дисциплинам. В первую часть вошло 18 статей, посвященных зарубежному геральдическому опыту¹. Настоящая публикация содержит еще 14 статей, которые касаются европейской и отечественной геральдики, а также сфрагистики и дипломатики. Как и ранее, они расположены в алфавитном порядке. Авторские библиографические примечания приведены в соответствии с современными правилами и унифицированы. Поскольку сокращения слов в рукописях не единообразны, все они раскрыты без дополнительных оговорок. К текстам подобраны иллюстрации.

Рукописи статей Г.И. Королева находятся в личном архиве профессора О.Н. Наумова. Они представляют собой первый экземпляр машинописи с авторской правкой. Каждая заверена подписью-автографом.

Тексты подготовлены к публикации А.И. Демидовым.

Бекенштейн Иоганн Симон (Beckenstein Johann Simon, 1684–1742), родом из Данцига. Преподавал в Кёнигсбергском университете. В 1725 или 1726 г., по приглашения Академии наук, прибыл в Петербург на должность профессора в академическом университете. Читал курсы правоведения и геральдики. В 1731 г. в Петербурге было издано его «Краткое введение в гербоведение» на немецком языке, ставшее первым в России трудом по методике геральдики. В 23 разделах книги в виде ответов на вопросы систематически изложены принципы геральдики, способы составления и описания гербов и терминология, классифицированы гербовые фигуры. К немецким терминам приведены французские и латинские соответствия. Есть сведения о предполагавшемся использовании в этом труде русского материала, который, однако, видимо не был собран. Поэтому в книге Бекенштейна представлен исключительно иностранный опыт геральдики. Ссылки показывают, что Бекенштейн использовал значительное количество трудов XVI – начала XVIII вв. Книга иллюстрирована большим количеством рисунков гербов, фигур, способов деления щитов и т.п., расположенных на 37 таблицах.

---

¹ Из геральдического наследия Геннадия Ивановича Королева. Часть I. Зарубежная геральдика // Гербоведение. Т. V. М., 2016. С. 121–147.

Участвовал в работах по созданию отдельных эмблем и печатей. 18 сентября 1734 г. в ответ на промеморию Военной коллегии Академия наук поручила Бекенштейну составить гербы на знамена слободских полков и «регулярных рот» согласно «правилам герольдическим и по состоянию тамошних мест» (Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 492–493). В декабре того же года Бекенштейн представил «мнение о учинении новых гербов в слободские полки», в котором, опираясь на имевшийся в России опыт создания полковых знамен и сведения о полках, изложил соображения о конкретных гербах. Интересны его объяснения о том, что следует, а что не следует изображать в гербах. Предложения касались 41 герба (Материалы... С. 538–541).

В 1735 г. Бекенштейн подал прошение об увольнении его от службы и вернулся в Кёнигсберг.

Соч.: Kurtze Einleitung zur Wappen-Kunst, und zur Art der Blasonirens, in deutlichen Exempeln gezeigt und in drey Sprachen deutsch, französich und lateinisch erkläret. SPb., 1731. [10], 248 s.

Лит.: Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 664–666; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 61–66 и др. (см. указатель).

Герб Царства Сибирского. В 1555 г. хан Едигер стал вассалом Ивана IV. Этот факт нашел отражение во включении в царский титул упоминания Сибири. Эмблематической параллелью к титульному элементу стала «печать сибирская», известная лишь по изображению на Большой государственной печати Ивана Грозного, предназначенной для скрепления международных актов. Неизвестно, была ли сибирская печать создана раньше большой царской или одновременно. Сибирской эмблемой стала стрела с тупым концом, употреблявшаяся в Сибири при охоте на мелкого пушного зверя. Печать показывала добычу пушнины, являвшейся важным источником государственных доходов. Впоследствии, вероятно с принятием главой Русского государства титула царя сибирского (между 1589 и 1598 гг.), была заведена новая печать с более сложной эмблемой в виде двух соболей, восстающих по сторонам кедра (сибирской сосны). Согласно указу от 13 октября 1665 г. такую «печать» (по выражению документа) изобразили на Большом государевом знамени в качестве визуального соответствия «сибирской» части царского титула.

В Титулярнике 1672 г. символ Сибири представлен по-новому: два противостоящие соболя держат золотой лук, скрещенные стрелы остриями вниз и над собой – открытую корону. Во второй половине XVII в. укреплялось представление о гербе как одной из форм эмблем, и потому титулярниковый символ Сибири следует рассматривать как герб.

В XVIII в. сфрагистическая, геральдическая и вексиллологическая символика Сибири повторяет редакцию герба 1672 г. В росписи гербов на

полковые знамена 1730 г. дано следующее описание сибирского знака: «Два соболя черных, стоящих на задних ногах, держат лук и корону золотые; меж ими две стрелы черные, а перья и копыя (острия, копейца – Г.К.) красные; поле белое» (*Лакиер А.* Русская геральдика. Ч. I. М., 1855. С. 291–292). Композиция герба была устойчивой, менялся лишь один элемент – корона. Ее изображали то открытой (полковое знамя 1712 г.), то закрытой (печать Сибирской губернии 1710 г., полковое знамя 1730 г.). С разделением Сибири на губернии (впервые в 1764 г.) сибирский герб стал лишь выражением соответствующей части императорского титула («царь сибирский»). Во второй половине XVIII в. форма венца стабилизировалась, приняла вид открытой короны с пяти видимых зубцах. Так она изображалась, например, на сибирских монетах 1763–1781 гг. (*Спасский И.Г.* Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 205–207).

В XIX в. сибирский герб занимал место на крыле государственного двуглавого орла. Во второй половине XIX в. он изображался в государственном гербе всех трех форм. Тогда же серебряное поле заменили горностаевым мехом. Щит сибирского герба на крыле двуглавого орла (Малый государственный герб) короной не увенчан, а в Большом и Среднем гербах империи увенчан короной с меховой опушкой. Соболя названы черными, корона – золотой, лук и стрелы – червлеными (См. последнее описание: Свод законов Российской империи издания 1906 г. Т. I. Ч. I. СПб., 1906).

За время своего существования символ Сибири, во-первых, развился из сфрагистической эмблемы в герб; во-вторых, развивался от простого к сложному рисунку. Однако во всех случаях он представлял Сибирь ее богатством пушниной. Уникальный для сибирской эмблематики XVI–XVII вв. характер носит изображение ценного дерева на второй печати. Помимо намерений создателей печатей и гербов сибирский знак показывал часть сибирского животного мира, а «древо кедр» – и видного представителя сибирской флоры. С точки зрения исторической экологии сибирский герб является свидетельством о воздействии человека на некоторые типы объектов в природной среде.

Ист.: Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1892 (изображения гербов на знаменах XVIII в.).

Лит.: *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки / МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 93. М., 1946. С. 47.

Гербовая грамота, документ, составленный в форме грамоты, предоставляющий право на герб или оформляющий пожалование, подтверждение или улучшение герба. В широком смысле слова к гербовым грамотам относятся и такие документы, в которых о гербе говорится как об одном из объектов юридического действия (грамота на права и вольности города, диплом на дворянство и др.). Различаются по получателям (городские,

родовые, личные и т.д.). По внешнему оформлению документа главное различие состоит в наличии или отсутствии изображения герба.

Гербовая грамота является одной из разновидностей жалованной грамоты и, как правило, выдержана в торжественной форме. Ее формуляр имеет ту же основную структуру, что и прочие жалованные грамоты. Специфику содержания составляют описание герба, которое может включать объяснение цветов и фигур, и изображение знака.

Возникновение гербовой грамоты является следствием, во-первых, расширения всей сферы пожалований с оформлением документов и, во-вторых, появления обычая жаловать гербы. Ранние гербовые грамоты частным лицам относятся к концу XIII – первой четверти XIV в. (Франция, Германия, Венгрия). Старейшей сохранившейся грамотой на городской герб является королевский документ, данный городу Кошице 7 мая 1369 г. (*Novák J. Slovenské mestské a obecne erbe. [Bratislava, 1972]. S. 40–41, 209, таб. V*). Долгое время документальное оформление права на герб было необязательным, как не было обязательным само пожалование гербов. Позднее власти в некоторых странах Западной Европы увидели в документальном оформлении права на герб источник доходов. Так, в XVII в. во Франции была установлена обязательность пользования только утвержденными гербами. За составление надлежащих документов стали брать деньги.

В России гербовые грамоты, обычно именовавшиеся дипломами, появились в начале XVIII в. К первым нашим документам такого рода относится диплом на княжеский титул и герб А.Д. Меншикову 1707 г., составленный в весьма торжественной форме, многословный, подробно перечисляющий заслуги жалуемого, утверждающий о его благородном происхождении. Оформление дипломов и рисунков гербов производилось за плату. Подготовкой дипломов занималась Герольдмейстерская контора. Получателями гербовых грамот в России были дворяне. Предположение о выдаче таких документов городам в конце XVIII в. не было осуществлено, хотя грамоты и готовились (*Лукомский В.К., Тупольт Н.А. бар. Русская геральдика... С. 8–9*).

Гербовые грамоты являются источниками по социальной и политической истории, истории права, в том числе гербового, истории геральдики и геральдического языка, генеалогии, просопографии и биографике. Изображения гербов принадлежат к объектам миниатюристического исследования. Письмо грамот могут изучать палеографы, формуляр – дипломатисты. По гербовым грамотам можно атрибутировать гербы и печати. В задачи архивной работы может входить полное определение фонда сохранившихся гербовых грамот. Ценный опыт полного выявления источников по городской геральдике, включая гербовые грамоты, дает работа, выполненная Архивным управлением М[инистерства] в[нутренних] д[ел] в Праге в архивах Чехии и Моравии в 1966–1968 гг.

Изд.: Диплом на княжеское Российской империи достоинство с подтверждением римского императорского диплома, данный... фамилии

князей Меншиковых 1707 года. М., 1774; Гербовед, изд. С. *Тройницким*. М., 1913–1914 (значительное количество извлечений из дворянских дипломов о гербах); Гербы лейб-компания обер и унтер-офицеров и рядовых / сост. С. *Тройницкий*, рис. А. *Шарлемань*. Пг., б.д. (несколько извлечений); Erbovní listiny Archivu hlavního města Prahy a nobilitační privilegia studentské legie roku 1848: edice / М. *Fiala*, J. *Hrdlička*, J. *Županič*. Praha, 1997.

Справоч.: Magyar Nemzeti Múzeum könyvtárának címereslevelei. Budapest, 1904–1942. 1–8. köt.

Лит.: *Лукомский В.* О геральдическом искусстве в России // Старые годы. 1911. № 2. С. 8, 11–20, 25–26, 28; *Лукомский В.К., Типольт Н.А.* Русская геральдика: руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915. С. 5–10; *Хоруженко О.И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999; *Королев Г.И.* Изучение гербовых грамот в венгерской, словацкой и чешской историографии // Славяноведение. 2002. № 4. С. 74–86; *Он же.* Пожалование достоинств и гербов колониальным деятелям XV–XVI вв. // Гербовед. 2004. № 4 (70). С. 69–77.

Дюканж Шарль (Du Fresne, seigneur du Cange, Charles, 18.12.1610 – 23.10.1688), французский историк, филолог, археолог, нумизмат. Занимал ряд казенных должностей. Например, работу, вышедшую в 1668 г., он подписал как «королевский советник, казначей Франции и начальник финансов финансового округа Пикардия». Его основные интересы были связаны с изучением истории Византии и государств, основанных крестоносцами на Ближнем Востоке. Составил словари средневековых латинского и греческого языков, изданные в 1678–1679 и 1688 гг. Публиковал византийские и другие источники.

В частности, в 1668 г. он выпустил в свет «Историю Людовика IX» («Мемуары») Жана де Жуанвиля, использовав несколько списков. Этот его труд отличается от предыдущих изданий памятника тщательностью передачи текста и «диссертациями» (статьями) по отдельным историческим темам, а также примечаниями, в которые включил текст первого общезаконового свода законов – «Установлений Людовика Святого».

Много внимания Дюканж уделял генеалогии. В «Двух комментариях по истории Византии» (изд. 1680 г.) он привел обширные сведения о родах, правивших в Византийской империи, и их ветвях, в том числе обосновавшихся

в Западной Европе (1-я часть книги), и дал описание Константинополя в 1453 г. (2-я часть). Счет византийских императоров Дюканж начинал с Константина I. Изложив в том же труде родословия владетельных родов Западных Балкан, Дюканж выступил как исследователь истории славянских земель и Албании. В незаконченной работе «Заморские роды», опубликованной лишь в 1869 г., представлены его генеалогические и просопографические изыскания о государях, светских и церковных феодалах, главах рыцарских орденов и высоких чинах управления в Иерусалимском и Кипрском королевствах и Киликийской Армении. Генеалогические данные Дюканж включал и в комментарии к публикациям некоторых памятников.

Исследования Дюканжа основаны на западноевропейских и византийских хрониках, законах, грамотах, письмах и других письменных источниках, печатях, монетах и миниатюрах из рукописных книг. Дюканжевы генеалогии являются историями родов, выдержанными преимущественно в связи с политической и военной историей.

Родословия сопровождают репродукции византийских монет и их описания. Воспроизведения монет имеют не только иллюстративное, но и археографическое значение, поскольку в оборот вводился крупный комплекс источников, хотя и не в виде специального нумизматического корпуса. Небольшим количеством изображений и описаний представлена сфрагистика. Есть у Дюканжа и геральдический материал. В «Двух комментариях» приведены извлечения из источников на французском языке, сообщающих о «гербах» византийского императора (крест и 4 «виты») и деспотов (двуглавый орел), а также описание восточных гербов по нескольким рукописям. В первом случае речь идет о реальных византийских знаках. Вопрос в понимании их типологической принадлежности и атрибуции рангам. Во втором случае читатель получил интересный материал фантастического характера, отражающий представления средневекового автора о восточной эмблематике. К фантастической геральдике принадлежит и взятый из книги Мавро Орбини по истории славянства (изд. 1601 г.) сложный герб, приписанный Стефану Душану. Систематического изложения геральдики у Дюканжа нет. Он высказывает соображения по некоторым вопросам, не ограничиваясь констатацией знаков. Так, он касается традиции эмблемы орла и высказывает мнение о заимствовании фигуры римлянами у персов. Он отмечает отсутствие данных о введении двуглавого орла в Византии. Приведя цитату из одного стихотворения XII в., описывающего панцырь византийского императора с изображением орла, Дюканж указывает на то, что поэт не упоминает о количестве голов у птицы. Т.е. историк проявляет осторожность в датировке эмблемы во времена, когда широкое распространение имело представление о заведении двуглавого орла, доставшегося византийцам, Константином I.

В XVIII в. генеалогическая часть «Двух комментариев» переиздавалась под названием «Древняя и новая Иллирия» в Братиславе в 1746 г. и «О константинопольских императорах» в Риме в 1755 г.

Соч.: *Historia byzantina duplici commentario illustrata... Lutetiae Parisiorum*, 1680; *Illyricum vetus et novum. Posenii*, 1746; *De imperatorum constantinopolitanorum, seu inferioris aevi vel imperii uti vocant numismatibus. Romae*, 1755; *Les familles d'Outre-Mer de Du Cange / pub. par E.-G. Rey. Paris*, 1869.

Лит.: *Baron J.L. Eloge de Charles Dufresne, seigneur du Cange. Amiens*, 1764; *Васильевский В.* Обзорение трудов по византийской истории. Вып. 1. СПб., 1890. С. 116–148; *Косминский Е.А.* Историография Средних веков. V в. – середина XIX в.: лекции / под ред. С.Д. Сказкина и др. М., 1963. С. 130–131; *Заборов М.А.* Историография крестовых походов (XV–XIX вв.). М., 1971. С. 43, 52–54, 71, 73; *Курбатов Г.Л.* История Византии (Историография). Л., 1975. С. 28–29.

Казанский герб. На Большой государственной печати Ивана IV (1577 г.) одной из областных эмблем была «печать царства казаньскаго», несшая изображение двуногого крылатого змия, увенчанного открытой короной о трех зубцах.

О происхождении и символике фигуры высказывались разные мнения: принятый ханом в знак избавления страны от змия герб (И.-Г. Георги, 1775 г.), появившийся на печати Ивана Грозного знак нечистой силы, невежества и язычества (П. Заринский, 1880 г.), торжество мусульманства над язычеством (без определенной датировки эмблемы, Н.П. Загоскин, 1895 г.), победа над казанским ханом Ивана IV (Н.А. Соболева, 1981 г.), показатель претензий московского царя «на такое же высокое положение, какое занимала английская королева» (А.Л. Хорошкевич, 1997 г.). Все исследователи исходили из рассказа «Казанской истории» («Казанского летописца») о змее, жившем на месте, на котором была основана Казань. При этом никто не обратил внимание на то, что в «Истории» змий двуглавый и что о крыльях его ничего не сказано (Казанская история. М.; Л., 1954. С. 47). На печати же чудище одноглавое. Не был замечен и рассказ того же источника о коне князя С.И. Микулинского, которого повествователь сравнил со змием крылатым, от которого бегут враги (Казанская история. С. 139). Рассказ о витязе-князе и его коне дан в одной главе с рассказом о храбром и умелом воине, бывшем казанском хане Шигалее. Оба героя были заметными участниками Ливонской войны. Русские и иностранные источники свидетельствуют об активном участии татарской конницы (не только из Казани) и татарской знати в войне (см. летопись, разрядные книги и др.). О действиях татарских частей и напоминал зарубежью знак большой силы – змий, изображенный на казанской печати. Областная эмблема показывала один из источников военной силы государства, демонстрация которой была весьма актуальна во время войны. Корона показывала ранг области по титулу – «царство». Имея ту же форму, что и общегосударственная корона, она отличалась меньшим числом зубцов. Время изготовления печати казанской

неизвестно. Известно лишь, что она существовала, по крайней мере, в 1596 г., о чем свидетельствует один сохранившийся документ с ее оттиском.

Принятый в XVI в. сфрагистический образ Казанского края оказался весьма устойчивым, и на его основе в XVII в. сформировался титульный герб, а в XVIII–XIX вв. – гербы городской и губернский. В XVII в. фигуру именовали «змием летучим», «змеем», а в указе о царском знамени 1665 г. и «василиском». В этом документе был указан золотой цвет крыльев и «конца хвоста» рептилии. В Титулярнике 1672 г. (экземпляр Посольского приказа в Р[оссийском] г[осударственном] а[рхиве] д[ревних] а[ктов]) змий имел серо-черноватое с зеленью тело, светло-коричневые крылья, красный язык и золотую корону. Более строгую геральдическую окраску змий («змея») получил в росписи полковых знаменных гербов 1730 г.: черный с красными крыльями в белом (т.е. серебряном) поле. Его золотая закрытая корона названа казанской. Описание 1730 г. повторено в указе от 18 октября 1781 г. о казанском гербе. Корона, однако, была изображена открытой, о трех зубцах в форме трилистников. В серебряном щите утвержденного 8 декабря 1856 г. герба Казанской губернии был изображен черный «дракон» с червлеными крыльями, хвостом (точнее – с кончиком хвоста) и языком, с золотыми клювом и когтями. В открытой короне видны 4 остроконечные зубца. В государственном гербе, в 1857 г. ставшем Малым гербом Российской империи, казанский символ помещался на правом крыле. В Большом и Среднем гербах щит «герба царства Казанского» увенчивала казанская корона в виде высокой шапки с украшениями и меховой опушкой.

24 декабря 2004 г. Казанский совет народных депутатов утвердил «Положение о гербе и флаге города Казани». За основу был принят вариант 1781 г., но с прибавлением казанской короны, названной шапкой, увенчивающий щит. Черный «дракон» с красными крыльями и языком, золотыми ногами (в документе лапами), в золотой открытой короне шествует по зеленой земле в серебряном поле. В Положении дано и толкование символики герба: дракон доказывает созидательную и благоприятствующую человеку силу и ряд других положительных качеств, земля есть символ жизни, корона змия – «символ достижения высокой ступени развития», «казанская шапка» – показатель столичного статуса города и древних традиций «территорий» вокруг нее. Истокована также символика цветов как различных положительных качеств.

Флаг построен по геральдическому принципу, т.е. цвета полотнища повторяют цвета поля щита и на нем изображена та же фигура, что в гербе.

Таким образом, казанский герб имеет источником областную печать XVI в. Официальные объяснения символики змия XVI–XIX вв. неизвестны. На протяжении времени существования эмблемы изменения носили стилистический характер и отчасти в комплексе цветов. Установленное исследованием значение фигуры в XVI в. было обусловлено конкретными военно-политическими обстоятельствами. Современному городскому гербу приданы значения, соответствующие нынешним представлениям и интересам.

Лит.: *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки / МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 93. М., 1946. С. 58–60; *Королев Г.И.* «Печать царства Казаньского» на Большой государственной печати Ивана Грозного (находится в печати)²; *Гербовед.* 2005. № 4 (82). С. 4–13 (тексты решения и положения Казанского горсовета, рисунки современных герба и флага).

Матрица (в сфрагистике), инструмент с выпуклым (рельефным) обратным изображением надписи или рисунка, или того и другого, служащий для оттискивания печати или клейма. Называется также печатью и штемпелем. Может иметь одну или две рельефные поверхности. В государствах Древнего Востока употреблялись цилиндрические матрицы, дававшие оттиск при прокатывании, и перстни-печатки, которыми изображение выдавливали. В древности появились и позднее стали главным типом матрицы в виде ручки с головкой. В Новое и Новейшее время широко распространились матрицы для нанесения изображения краской. В почтовом деле стали применять штемпелевальные машины. Материалом для изготовления матриц служили камень, металл, дерево, искусственные вещества.

Древнейшее упоминание матрицы в России содержится в русско-византийском договоре 944 г., в котором сказано о золотых печатях послов и серебряных печатях купцов. Опубликовано несколько перстней-печаток XIII–XIV вв. (Снимки древних русских печатей... М., 1882. Вып. 1). Сохранилось некоторое количество матриц актовых печатей XVI–XVII вв. В основном же о матрицах ранних периодов русской истории можно судить по форме и материалу оттисков. Очевидно, что на свинце оттиск можно было сделать металлической матрицей. По дошедшим до нашего времени экземплярам и по письменным источникам устанавливается, что матрицы государевых и учрежденческих печатей делали из серебра. Так, в росписи печатей в описи архива Посольского приказа, составленной после пожара 1626 г., отмечена «складная, в двух кругах» серебряная Большая государева печать. Перечисленные там же печати церковных иерархов были оловянными (Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. М., 1977. С. 311).

Лит. см. при статьях «Печати» и «Сфрагистика».

² Королев Г.И. «Печать царства Казаньского» // *Гербовед.* 2006. № 87. С. 55–60. *Прим. публ.*

Монограмма (лат. monogramma из греч. μόνος – один и gramma – буква, запись), знак письма, образованный соединением начальных или всех букв имени, имени и фамилии, названия чего-либо или краткого изречения. Создается путем переплетения букв, соединения несоприкасающихся букв штрихами, включения одной буквы в другую. Может быть составлена сразу несколькими способами. Монограмма в виде переплетения называется вензелем. Может включать цифры и декоративные элементы. От монограмм следует отличать инициалы.

Монограммы начали употреблять в древности. Известны, например, монограммы на греческих и римских монетах. В грамотах франкских королей и императоров, правителей Священной Римской империи, итальянских и французских королей до середины XIII в. монограммы служили подписями (напр. Karolus). Известны папские грамоты с монограмматически оформленной формулой приветствия «Vene valetе» в конце. С XV в. монограммы часто использовались как подписи и знаки авторства художниками, резчиками, типографами и другими творцами на их произведениях. К старейшим из употребляемых и ныне монограмм относится знак имени Иисуса Христа, образованный из греческих букв «хи» и «ро» О. Встречается монограмма имени Богородицы «Мария». В западноевропейских средневековых грамотах монограмма Христа иногда употреблялась в качестве символической инвокации. Монограммы употреблялись и на Руси еще в Допетровскую эпоху. Так, изображения святых нередко сопровождалась монограммой «о айос», «святой». Монограмматический характер носят некоторые знаки писцов. Открыта монограмма профессионального писца книг Ивана Черного, жившего в XV в. (*Клосс Б.М.* Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Записки отдела рукописей / ГБЛ. Вып. 32. М., 1971. Изображение на с. 69). Монограммы служили также знаками династий и отдельных монархов. Например, на ряде изобразительных памятников сохранилась монограмма византийского Дома Палеологов, составленная из всех букв родового имени. Как эмблемы монограммы использовали и в Новое время. Их помещали на монетах, медалях, праздничных сооружениях, жилых домах и других носителях. Так, монограмма Екатерины II (буква Е и цифра II) выбивалась на монетах. В 1811 г. ее монограмма, дополненная датой основания города, стала фигурой герба Екатеринослава.

Монограммы используются в качестве производственных (фабричных) знаков, в знаках различий, водяных знаках, в эклибрисах и т.п.

Монограммы начали изучать в XVII в. как элементы письма при датировке и атрибуции документов в рамках возникшей тогда дипломатики (начиная с Д. Папebroxa). Ж. Мабильон касался монограмм в своем труде по латинской дипломатике (1681 г.). О монограммах названий городов, имен богов и людей на греческих монетах писал Б. Монфокон. Он привел коллекцию из 28 монограмм, обозначавших греческие города (*Montfaucon B. de. Palaeographia graeca... Parisii, 1708. P. 143–147*). В 1696 г. в Лейпциге вышла специальная работа о «христианских» монограммах И. Менке. В XVIII в. некоторые исследователи считали изучение монограмм отдельной поддисциплиной дипломатики. И.Х. Гаттерер назвал такую поддисциплину «монограмматологией, или монограммистикой». Гаттерер классифицировал монограммы по форме и содержанию. В XIX в. появились специальные публикации монограмм художников, граверов и типографов (труды Ф. Брюльо, Г.К. Наглера). В 1924 г. издана и в 1966 г. переиздана монография Виктора Гардтгаузена по истории монограмм от древних Греции и Рима по византийское и западноевропейское Средневековье. В этой работе исследованы монограммы на монетах, тессерах, печатях и других предметах, обозначающие имена, монетные двory, города и др. Большое количество монограмм воспроизведено в прорисях.

Монограммы представляют интерес как знаки письменностей, художественные произведения, выполненные в микроформах, и эмблемы. Они могут служить для атрибуции и датировки памятников письменности и изобразительного искусства.

Публ.: *Brulliot F. Dictionnaire de monogrammes, chiffres, lettres initiales et marques figurées sous lesquels les plus célèbres peintres, dessinateurs et graveurs ont désigné leurs noms... Munich, 1817; Die Monogrammisten und diejnigen bekannten und unbekanntenen Künstler aller Schulen... / bearb. von G.K. Nagler, fortgesetzt von A. Anderesen und C. Claus. München; Leipzig, 1858–1879. Bd. 1–5; Schlumberger G. Sigillografie de l'empire byzantine. Avec 1100 dessins par L. Dardel / pub. sous le patronage de la Société de l'ozient Latin. Paris, 1884; Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3; Фарфор и фаянс: справочник для коллекционеров: указатель марок / сост. И. Троицкий; ред. и вступ. ст. Э. Голлербаха. [2-е изд.] Л., 1924; Каталог выставки книжных знаков из собрания народного артиста СССР Б.М. Тенина: Театр, кино, цирк, эстрада, балет, музыка. М., 1985.*

Лит.: *Gardthausen V. Das alte Monogramm. Mit 5 tafeln. Leipzig, 1924; Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. Bd. 11. København, 1966. S. 677–685; Kellner W. Christus monogram // Lexikon der christlichen ikonographie. Bd. 1. Rom etc., 1968. S. 456–458.*

Печать – 1) Инструмент, служащий для нанесения вырезанной на нем композиции из знаков письма или фигур, или тех и других на некоторую поверхность (матрица, штемпель); 2) оттиск, отпечаток матрицы. Отпечаток получают давлением на кусочек материала, прикрепленного к опечатаваемому предмету или непосредственно на предмет.

Печати различаются по сферам применения. Актовые печати служат для придания документу юридической силы и удостоверения его подлинности. Скрепление документа печатью означает завершение процедуры создания акта. В таком случае печать становится частью документа. Печать свидетельствует о соответствии содержания документа воле того, от кого документ исходит. Печать называет дателя документа и сообщает о нем некоторую информацию, прежде всего его ранг. Другую категорию составляют печати, служащие для охраны имущества (пломбы) и почтовых отправлений (штемпели). Почтовые штемпеля удостоверяют время и место отправления и получения учреждениями почты. Печати, служащие знаками изготовителя изделий, а также знаками собственности и прохождения таможи, называются клеймами.

Печати различаются по их владельцам (государственные, учрежденческие, административно-территориальных единиц разных уровней, политических, профессиональных и других объединений, частных лиц). Положение печатевладельцев показывают надписи и изображения, величина и форма печатей. Известны печати в нескольких вариантах, называемых большой, средней и малой печатями.

Печати можно классифицировать по видам изображений (например, гербовая печать) и указаниям ими владельцев (именная печать и др.).

По способу прикрепления к документу актовые печати разделяются на прикладные и вислые. Прикладные печати оттискиваются на сургуче, воске или другом мягком материале или краской. Вислые печати оттискивались на мягком материале или металле и прикреплялись к документу шнурами. Из металлов для оттискивания печатей употребляли свинец, серебро и золото. Известны серебряные позолоченные печати. Металлические печати часто называют буллами, в том числе свинцовые – моливдовулами, серебряные – аргировулами, золотые – хрисовулами (от греческих названий металлов и печатей). Для сохранения печатей из мягких материалов их нередко обертывали бумагой или заключали в металлический футляр. Общее название защиты печати – кустодия, а по старинной русской терминологии – ковчег, ковчежец.

Печати бывают круглые, овальные, треугольные, многоугольные и других форм.

Печати изучают по матрицам, оттискам, прорисям и фотографиям, официальным и другим описаниям отдельных печатей и групп печатей, сведениям в повествовательных источниках, записях о приложении их в делопроизводственных документах. Для создания страхового фонда печатей,

выставок и использования в учебных целях изготавливают копии в виде муляжей и голографических снимков.

История печатей прослежена до IV в. до н.э. Печати употреблялись в Месопотамии, Египте, в государствах крито-микенской и хараппской цивилизаций, в Китае и других древних государствах. Оттиски получали прокатыванием валиков по сырой глине. В древности появились матрицы для получения отпечатков прикладыванием.

На древних печатях были как сложные, многофигурные композиции, так и простые изображения. Изображались цари и божества, сцены из мифологии, религии, быта, орнамент, реальные и фантастические животные, растения. О. Вебер дал подробную классификацию изображений на печатях Древнего Востока, разделив материал на 4 большие группы (мифологические сцены, религиозные сцены, светские изображения и орнамент) с более дробным подразделением в группах (*Weber O. Altorientalische Siegelbilder. Leipzig, 1920. Bd. 1–2*). По наблюдениям В. Хинца, изображениям на эламских печатях IV–III тыс. до н.э. был не чужд гротесковый юмор, присущий и другим сферам местного искусства (*Хинц В. Государство Элам. М., 1977. С. 164*). Не всегда, но вполне обычным было вырезание на печатях надписей, называвших владельцев, а также имевших иные значения. Надписи на печатях являются главными источниками для изучения письменности хараппской (индской) цивилизации.

Древние употребляли печати в разных целях. Печати прикладывали к документам стороны сделок и свидетелей, как например в Вавилоне (См.: *Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 25–27, 42–43*), к межгосударственным договорам, как например, к египетско-хеттскому договору о мире 1296 г. до н.э. Деталь практики применения печатей сообщает Светоний (I–II вв.): Август «установил, чтобы декурионы каждой колонии участвовали в выборах столичных должностных лиц, присылая свои голоса за печатями в Рим ко дню общих выборов» (*Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 54*).

На книгах библиотеки Ашшурбанипала (VII в. до н.э.) найдены штампы принадлежности библиотеке. Отправлявшиеся на продажу сосуды с маслом и зерном запечатывали пломбами. Известны клейма мастеров на их изделиях. Свидетельством об охранительной функции печатей является утверждение евангелиста Матфея о наложении «архиереями и фарисеями» печати на камень, закрывавший вход в склеп, куда был положен Иисус Христос, для предотвращения предположенной ими мистификации воскресения (Мф. XXVII, 64–66).

3 интересных факта, свидетельствующих о значении печатей как знаках ранга и полномочий приводит Сыма Цянь (II–I вв. до н.э.): император пожаловал ученому звание, и вскоре тот «носил на поясе четыре золотые печати»; некто, убив правителя области, «надел на себя пояс с печатью» – атрибутом власти; заговорщик «подделал печати государя и вдовствующей

государыни» и стал собирать войска для мятежа, предъявляя печати (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши Цзи). Т. 2. М., 1975. С. 263, 117, 55).

О значении печатей для древних говорят факты подделок, равно как и отрицательное отношение к поддельщикам. В римском праве «злоупотребление печатью или недозволенное снятие печати» считалось подделкой (*falsum*) (*Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 296).

По крайней мере в некоторых древних государствах печати были широко распространены. Так, согласно Геродоту, каждый вавилонянин имел печать. Об обычности печатей свидетельствуют слова героя вавилонского эпоса Утнапишти: «Ярая смерть не щадит человека; Разве навеки мы строим дома? Разве навеки мы ставим печати?» (Эпос о Гильгамеше. Табл. X).

Печати были в повсеместном употреблении и в Средние века. В Западной Европе в Раннее Средневековье, когда сфера документирования сократилась по сравнению с римской традицией, сократилась и сфера применения печатей. Впоследствии, с расширением сферы документирования, актовая печать употреблялась во все большем количестве случаев. Более плавным было бытование печати в Византии.

Имеются сведения об использовании печатей как знаков полномочий. Об этом свидетельствует ст. 28 «Алеманнской (Аламаннской) правды» (конец VI–VIII вв.), предусматривавшая штраф за пренебрежение печатями герцога, графа и центуриона, предъявляемыми вестниками от них (*Данилова Г.М.* Аламаннское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск, 1969. С. 165). «Саксонское зеркало» (XIII в.) фиксирует обязанность князей являться в определенный срок на королевскую службу по вызову с предъявлением письма с печатями и определяет сумму штрафа за неисполнение повеления (Саксонское зеркало: памятник, комментарии, исследования. М., 1985. С. 106).

По владельцам средневековые актовые печати разделяются на государевы, феодальных владетелей, мелких светских феодалов, городские, объединений (военно-политических обществ, цехов и др.), частных лиц из податных сословий, церковных учреждений. Помимо актовых печатей, как и в древности, существовали охранные пломбы, клейма собственности и производства. Характерна односторонняя и двусторонняя вислая печать. В Позднее Средневековье стала распространяться прикладная печать. Оттиски делались на воске, свинце, серебре и золоте. Раннесредневековые печати несли либо надписи, либо надписи и изображения. Довольно характерны для этого времени изображения печатевладельца – правителя со знаками достоинства. С XI в. усиливается типологическое разнообразие изображений на печатях. Выражением развития рыцарской культуры было изображение вооруженного всадника. На лицевой стороне печатей королей и крупных феодалов изображали владельца печати, восседающего на троне со знаками достоинства, на оборотной стороне – его же, но уже как

всадника. Такая печать представляла государя правителем и военачальником. С появлением гербов их стали помещать и на печатях, сначала на вооружении всадника, потом и как самостоятельные эмблемы, а также вокруг портрета печатевладельца. Возникла гербовая печать.

В Новое и Новейшее время за рубежом существуют в общем те же основные виды печатей, что возникли раньше – акты разных владельцев (высших должностных лиц, учреждений разных уровней, общественных и других организаций, частных лиц), охранные и др.

В категории актов печатей в Новое время выделилась государственная печать. Возникла категория почтовых печатей.

В Новое время окончательно вышли из употребления вислые печати.

На территории России печати появились в античных причерноморских греческих городах. Соответственно названные выше черты древних печатей присущи печатям этих городов. Первое известие о печатях в Древнерусском государстве связано с заключением договора с Византией в 944 г.: направленные в Царьград послы имели «печати злати», а гости – серебряные (П[олное] с[обрание] р[усских] л[етописей]. Т. 1. М., 1962. Стлб. 48). В настоящее время известны 2 круглые свинцовые печати с «княжеским знаком» и надписями 2-ой половины X в. (Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. № 1, 2). Печатами пользовались великие и удельные князья, цари, должностные лица, служилые люди, церковные чины. Употреблявшиеся до XIII в. печати носили личный характер, хотя ранг некоторых владельцев придавал им публично-правовой характер (княжеские печати). С XI в. на печатях светских лиц изображали святых, тезоименитых печатевладельцам. В XIII в. в Новгороде возникла государственная и должностная печати. Ранним примером употребления таких печатей является экземпляр с надписью «печать всего Новгорода» на договорной грамоте Новгорода с «Готским берегом» и немецкими городами 1262–1263 гг. От более позднего времени сохранились печати с надписями «печать новгородская» и «печать великого Новагорода». Категорию учреждений представляют печати новгородских концов XV в.

От рубежа XIV–XV вв. изображение на московской великокняжеской печати приобретает ранговый характер, представляя одного и того же всадника с копьем, символизирующего государя. Конкретного печатевладельца называла надпись.

В XVI в. оформилась категория «государственная печать» Московского государства, в том числе ее разновидность «большая печать» (термин XVI в.). В конце XV–XVI вв. возникла областная печать. Ее начало положило создание новгородской и псковской печатей по присоединении Новгорода и Пскова к Русскому централизованному государству. Должностное лицо, пользовавшееся такой печатью во Пскове, неизвестно. В Новгороде таким лицом был великокняжеский, затем царский наместник (Описание в копии грамоты 1500 г.: «А у докладной печать наместника, вочаяная

велика». См.: А[кты] с[оциально-э]к[ономической] и[стории] Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI веков]. Т. 3. М., 1964. С. 438). Повелением от 1 сентября 1565 г. была создана наместничья печать, изображение на которой впоследствии стало новгородским гербом. Печать предназначалась для скрепления документов по отношениям со Швецией. Позднее была изготовлена печать новгородского воеводы для документов внутреннего характера, отличающаяся более простым, чем на наместничьей печати, изображением. Воеводская должностная печать стала основным типом областной печати последней четверти XVI–XVII вв. Нередко, однако, воеводы пользовались личными печатями в казенных делах. С XVII в. известны печати таможен и приказов. Сохранившиеся с начала XVII в. книги Печатного приказа, существовавшего в XVI в. – 1722 г., показывают широкий круг случаев, когда к документам надлежало прикладывать печать (пожалование поместий, сдача чего-либо на откуп и др.).

По XVI в. сохранялась вислая печать. Такой была Большая государственная печать, созданная в 1577 г. Однако в XVI в. преобладала прикладная печать, в XVII в. бывшая единственной. Преобладали круглые печати. Печати церковных иереев нередко были остроовальными. Были и овальные печати. Оттиски делались на воске и мастике. Государственные печати были красными, воеводские – черными.

В середине XVI в. двуглавый орел, появившийся на великокняжеской печати в конце XV ст., стал государственным гербом, употреблявшимся и далее. В XVII в. с развитием геральдики на частных и областных и городских печатях появились изображения гербов.

До XVIII в. создание печатей производилось распоряжениями по конкретным случаям, как например, повелением 1565 г. о печати новгородского наместника или указ 1676 г. о государственной печати. В наказах воеводам

давались предписания об употреблении и хранении печатей в приказных избах и таможнях. В 1699 г. в развитие положений о Бурмистерской палате был издан указ о печатях бурмистров. Первое общее установление о печатях было изложено в Генеральном регламенте 1720 г. Документ различал «государственные печати» для документов, посылавшихся в другие государства и гетману Украины, и печати для скрепления документов внутрироссийского значения. Были предусмотрены печати Адмиралтейства и гербовые печати государственных коллегий. Были даны предписания о хранении и использовании печатей, о наказаниях за подлоги, совершаемые с помощью печатей. В 1723 и 1724 гг. были выпущены указы о «форме суда» и о печатях «присутственных мест», установившие порядок приложения печатей и изображения гербов на печатях местных учреждений. Впоследствии издавались другие акты о печатях. Так, в 1844 г. в целях борьбы с контрабандой в Забайкалье был сочинен указ Сената о клейме для «печатания» товаров в этой области, а также указ о порядке клеймения «бархатов и прочих материй» хорошего качества. Распоряжения о печатях делались и в советское время. Например, постановлением ЦИК СССР от 17 июля 1925 г. были определены правила пользования печатью с государственным гербом СССР.

В XX в. существовали печати высших органов власти, учреждений разных уровней, различных производственных единиц и их объединений, научных организаций, общественных и политических организаций, частных лиц. Преобладали круглые печати. Были и другие формы печатей, например, треугольные, в ряде случаев употреблявшиеся в медицинских учреждениях. Существовали охранные пломбы, производственные клейма, почтовые штемпеля.

Печати являются источниками для изучения правовых обычаев, документирования, социальных, экономических и политических явлений. Изображения на печатях доставляют сведения о различных видах знаков, реалий природы, орудий труда, вооружения, сооружений, быта и др.; художественных вкусов, техники резьбы по разным материалам. Из печатей можно извлечь данные по мифологии, эпосу и религии. Надписи на печатях содержат информацию о персоналиях, титулатуре, служат источниками для изучения языков и письменностей. Печати могут служить для датировки и атрибуции письменных и неписьменных памятников.

Публ. и каталоги: Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, составленный *П. Ивановым*. М., 1858; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1882. Вып. 1; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1–2; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы

греческого Востока: к XVIII Международному конгрессу византинистов. Москва, 8–15 августа 1991 г. / сост. и автор коммент. *В.С. Шандровская*. М., 1991; *Климанов Л.Г.* Византийские отражения в сфрагистике: коллекция металлических печатей VII–XX вв. Н.П. Лихачева в Западноевропейской секции Архива СПб ФИРИ РАН. СПб., 1999; *Ивић А.* Стари српски печати и грбови: прилог српској сфрагистици и хералдици. Нови Сад, 1910; *Йорданов И.* Печатите на преславските владетели 893–971. София, 1993; *Он же.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993; *Рошковска А.* Български възрожденски печати. София, 1982; *Birch W. de G.* Catalogue of seals in the Department of manuscripts in the British Museum. London, 1889–1900. Vol. 1–6; *Briggs B.* Early Near Eastern seals in the Yale Babylonian collection / introd. and seal inscriptions by *W.W. Hallo*, u. Kasten, editor. New Haven, London, [1981]; Corpus of ancient Near Eastern seals in North American collection / ed. for the Committee of ancient Near Eastern seals. [Meridian], [1948]. Vol. 1; Corpus of Indus seals and inscriptions. Helsinki, 1987–1991. Vol. 1–2; Corpus sigillorum neerlandicorum. De nederlandsche zegels tot 1300 / afgeb. en beschr. in opdr. en onder toezicht van de Nederlandsche koninklijke Akademie van wetenschappen te Amsterdam. s-Gravenhage, 1937–1940 [T.] tekst, [t.] platen; *Dogaru M.* Colectiile de matrice sigilare ale arhivelor statului. București, 1984; *Id.* Sigieliile marturii ale trecutului istoric: album sigilografic. București, 1976; Feudalis kori községi pecsétnyomok a Borsod-Abaúj-Zemplén megyei levéltárban. Miskolc, 1971; *Fleetwood H.* Svenska medeltida kugasigill. [Stockholm, 1936–1942]. Bd. 1–2; Guide to seals in the public Record office. London, 1968; *Gumowski M.* Najstarsze pieczęcie miast polskich XIII i XIV wieku. Toruń, 1960; *Horváth L.* Pest megye városi, községi és megyei peesétjei 1381–1876. Budapest, 1982; *Id.* Pest-Pilis-Solt-Kiskun vármegye pecsétjei 1918–1919. Budapest, 1989; Kapitalizmus kori pecsétnyomók a Borsod-Abaúj-Zemplén megyei levéltárban. Miskolc, 1978; *Kenna V.E.G.* Cretan seals with a catalogue of the minoan gems in the Ashmolean museum. Oxford, 1960; *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris, 1963 – ; *Réti L.* A Magyar Tanácsköztársaság helyi szervei és pecsétjei. Budapest, 1973; *Id.* A Magyar Tanácsköztársaság központi szervei és pecsétjei. Budapest, 1970; *Sava K. von.* Die Siegel der österreichischen Regenten bis zu Kaiser Maximilian I. Wien, 1871; Die schlesischen siegel bis 1250 / In Namen des Vereins für Geschichte und Alterthums Schlesiens hrsg: von *A. Schultz*. Mit 9 lithographischen Tafeln. Breslau, 1876; Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige von 751 bis 1913 / hrsg. von *O. Posse*. Dresden, 1909–1913. Bd. 1–5; Sigilli de' principi di Savoia / racc. ed. ill. per ordine del re *Carlo Alberto* dal cavaliere *L. Cibrario* e da *D.C. Promis*. Torino, 1834; Die westfälische Siegel. Münster, 1882–1887. H. 1–8; *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1.

Подделка документов. Изготовление письменного произведения, имитирующего признаки документа, прошедшего установленную для последнего процедуру оформления, с целью создать впечатление подлинности

и, соответственно, обладания им юридической силы. Подделкой является и составление документа в надлежащем учреждении, утверждающего о чем-то, чего в действительности не было. В этом случае речь идет о должностном злоупотреблении.

Поддельные документы различаются по объему, содержанию, месту и времени фальсификации. Подделывание может состоять во внесении в текст подлинного документа или его официальной копии некоего прибавления. Такое действие называется интерполированием, внесенная запись – интерполяцией, документ – интерполированным. Известны случаи, когда с подлинного документа фальсификатор снимал копию, в которую вносил нужную ему запись, а подлинник иной раз и уничтожал. Подделка может состоять в сочинении полностью вымышленного текста. Факты в измышленных частях текстов и в такого рода целых текстах могут отвечать или не отвечать действительности, известной по другим источникам. Например, поддельщик мог описать реалии, которые не были зафиксированы документально или некогда были зафиксированы в документах, со временем утраченных. Поддельный документ может в большей или меньшей степени воспроизводить, а то и вовсе не воспроизводить признаки составления документов в соответствующей канцелярии в то время, к которому фальсификат себя относит. Под признаками имитируемого подлинника подразумеваются формуляр, присущий разновидности документа, употреблявшийся в определенное время в определенной канцелярии; указание того, от кого документ исходил; подписи, почерки и др. Различаются подделки, совершенные близко ко времени, которое они называют, и далеко от него. Одним из способов совершения подлога является прикрепление к фальсификату подлинной или поддельной печати или фальшивой печати – к подлиннику.

Документы подделывали еще в глубокой древности. Об этом свидетельствует, например, свод законов Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н.э.), который завершается угрозой карами, включая «неподаваемое восстание» против того, кто исказит царские слова, изменит тексты указов, «напишет свое имя» вместо имени законодателя (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 216). Основным побуждением к подделке во все времена было желание извлечь материальные или политические выгоды. Например, таким способом стремились доказать право на некое достоинство, как было в одном спорном деле в древнеегипетском суде, когда ответчики представили фальшивые кадастровые описи и совершили подлог в архиве (*Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э.: памятники и исследования. Л., 1960. С. 23). Корыстный интерес поддельщиков отмечает в одной из сатир Ювенал (I–II вв.), поминающий «делателя подписей на подлогах, что влажной печатью // На завещаниях доставил себе и известность, и средства». И еще: «Скажут, что сделал подлог и что счет никуда не годится, // Хоть уличает и подпись людей, и печать сердолика – // Гемма, какую хранят в шкатулке из кости слоновой» (*Ювенал.* Сатиры.

СПб., 1994. С. 21, 133). Отношение к подделке документов как делу неблаговидному хорошо отражает «Повесть об Акире Премудром», которая, как предполагают, возникла в Ассирии в VII в. до н.э. и затем бытовала у разных народов, в том числе на Руси в переводе XI–XII вв. В произведении говорится, как черный герой, желая погубить Акира, написал от его имени его почерком письма, представляющие светлого героя изменником, и передал их царю. Письма были запечатаны перстневой печаткой Акира (См. русский текст: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 260, 261).

Уже в древности существовали способы оценки неподлинности документов. Во второй из цитированных сатир Ювенал отмечает один из признаков поддельности – расхождение между содержанием и знаками подлинности. В законе Корнелия (Суллы) «О подлогах» 82 г. до н.э. признаками подделки («*falsum*») завещания назывались имитация почерка, подчистка, надрывание листа, приписка. Подделка, равно как кража и уничтожение документа, подлежала наказанию. Положения закона Корнелия включались в позднейшие византийские кодификации римского права. Раннесредневековый хронист Григорий Турский (VI в.) сообщает об уличении епископа реймского, обвиненного в заговоре, в подделке королевских дарственных грамот на основании отрицания пожалования земли королем и заявления королевского референдаря о подделке подписи (*Григорий Турский. История франков / изд. подгот. В.Д. Савукова. М., 1987. С. 303*). В Средние века и раннее Новое время в разных государствах существовали строгие наказания за подделку документов. Так, Литовский статут 1529 г. предусматривал наказание «огнем» (сожжением на костре) поддельвателей государевых грамот и печатей, а также пользователей заведомо поддельными документами. Суровым было и Соборное уложение 1649 г. (гл. 4), в котором, в частности, была дана классификация подделок: сочинение ложного текста, изменения в тексте подлинника, изготовление печати, приложение подлинной печати к сфальсифицированным («воровским») документам. Наказанию подлежал и тот, кто сознательно держал у себя подложный документ «для своих пожитков и корысти».

Одной из самых знаменитых средневековых актов подделок является грамота, известная под названием Константинова дара, сочиненная в VIII в. и приписанная первой трети IV ст. с политическими целями.

Особый род подделок – сочинение «документов» в интересах своеобразно понимавшихся потребностей исторической науки в источниках. Примером такого рода подделок может служить вымышленная грамота Александра Македонского славянам, составленная, по выводам А.С. Мыльникова, в чешской среде в середине – второй половине XIV в. По образцу этой грамоты в конце XVII в. была составлена грамота того же Александра славянам Восточной Европы, т.е. Руси (текст см.: *Попов А. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869*). Измышление подобных грамот находится в одном ряду с сочинением

выдававшихся за произведения народного творчества текстов («Поэмы Оссиана» Д. Макферсона, Краледворская и Зеленогорская рукописи, написанные В. Ганкой и т.п.), мемуаров («труды» А. Бошана и др.) и проч.

Изучение подделок с практической целью их разоблачения велось в древности и продолжалось в Средние века. В рамках исторической критики исследование поддельных документов началось в первой половине XV в., когда изучению был подвергнут Константинов дар. Наиболее обстоятельную тогда критику сей фальшивой грамоты дал Л. Валла в 1440 г. Валла опровергал подлинность грамоты логическими и юридическими суждениями, указанием на отсутствие в античных источниках данных о документе, несоответствием терминов и оборотов в Константинове даре терминологии и стилистике документов IV в., наличием в тексте варваризмов и других несоответствий языку IV в., фактологических анахронизмов. Т.е. критик использовал комплекс приемов раскрытия подделки.

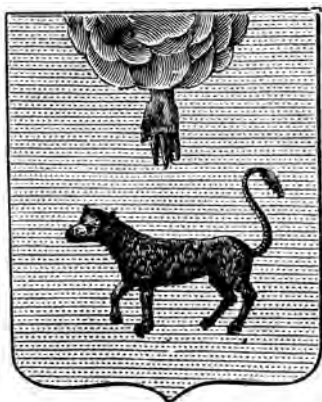
Развитие актов археографии в XVII в. потребовало систематических исследований подлинности грамот. В задачи возникшей в связи с публикаторской деятельностью дипломатики с самого начала входило изучение подлинности и подложности актов. В XVII в. начали разрабатывать принципы исследования поддельных документов. Вопрос о поддельных документах в разных объемах постоянно рассматривается в ранней литературе по дипломатике. Так, А.Л. Муратори в специальной «диссертации» по данному вопросу дал, в частности, классификацию подделок. Он различал документы подложные (т.е. полностью вымышленные), интерполированные и сомнительные. Подделкам уделяется внимание и в современных работах по дипломатике и источниковедению, в исторических экскурсах в трудах по криминалистике.

Поддельные документы являются одной из групп исторических источников. В зависимости от объема и рода фальсификации из этих источников может быть извлечена информация о реалиях. Во всех случаях подделка является историческим фактом и, соответственно, заслуживает изучения. О восприятии подделок как исторических источников свидетельствует включение их в публикации грамот наряду с подлинными документами, естественно, с надлежащими указаниями. Об этом можно судить по таким изданиям, как «Исторические памятники Германии» (отдел грамот), полные собрания грамот по истории Чехии и Словакии. В задачи изучения подделок входит установление целей, объема, характера и способов совершения подделок, вовлеченность подделок в общественный оборот. Подделки являются по историческим фактам, формуляру, почеркам и другим палеографическим признакам, по свидетельствам других источников.

Лит.: Валла Л. Рассуждения о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963. С. 139–216 (в приложении дан перевод Константинова дара, с. 334–337); Шаскольский П. Критика «Донации Константина» в эпоху гума-

низма: к вопросу о зарождении исторической критики // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 252–272; *Чаев Н.С.* К вопросу о подделке исторических документов в XIX веке // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 6/7. С. 485–502, табл. I–VIII; *Зимин А.А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды Моск. гос. историко-архивн. ин-та. Т. 17. М., 1963. С. 399–428; *Косминский Е.А.* Историография Средних веков. V в. – середина XIX в.: лекции / под ред. *С.Д. Сказкина* и др. М., 1963. С. 45–52; *Медведев И.П.* О подделке византийских документов в XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 2. Л., 1969. С. 277–286; *Мыльников А.С.* Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 2000. С. 45–94; *Naudé A.* Die Fälschung des aeltesten Reinhardsbrunner Urkunden. Berlin, 1883; *Giry A.* Manuel de diplomatique... Paris, 1894. P. 863–887; *Húščava A.* Ján Literat a liptovské falza. Bratislava, 1936; *Szwarc A.* Falszerstwo dokumentów w światle kryminalistyki. Warszawa, 1955; *Herde P.* Römisches und Kanonisches Recht bei der Verfolgung des Fälschungsdelikts im Mittelalter // Traditio. Vol. 21. New York, 1965. S. 291–336; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. Abschnitt 1. S. 135–137; *Lehotská D.* Príručka diplomatiky. Bratislava, 1972. S. 151–155; Die fälschen Investiturprivilegien / hrsg. von *C. Märkl.* Hannover, 1986; Fälschungen im Mittelalter: Internationaler Kongress der Monumenta Germaniae Historica. München, 16–19. September 1986. Hannover, 1988. Tl. 1–5.

Псковский герб. Светская общегородская символика Пскова времен феодальной республики известна по печатям XV в. с изображением бюста «князя» и монетам 2-ой половины XV в. с тем же князем на лицевой стороне и шествующим животным, трактуемым то барсом (А.С. Мельникова), то «лютым зверем» (*Белецкий С.В.* Вечевые печати...). Зверь на монетах был львом (Г.И. Королев). В XIX в. к XV ст. относили две печати, сохранившиеся в матрицах, несущие изображение барса (безгривый пятнистый зверь без кисточки на хвосте). Эти печати считали посадничими (С[обрание] г[осударственных] г[рамот и] д[оговоров]. Ч. 2. М., 1819. С. V; «Гербы...» П.П. Винклера. С. III). В 1935 г. Н.П. Лихачев датировал их XVI в. Барс был изображен на «печати псковской», помещенной на Большой государственной печати Ивана IV (1577 г.). Таким образом, в периоды самостоятельности Пскова одним из его символов был лев, а по присоединении города к Московскому государству символом стал барс. Последний изображался на псковских печатях в XVII в. Источники XVII в. именуют зверя барсом и рысью, что вызвало колебания в трактовке фигуры (напр., см. статью А.В. Арциховского). «Рысь» есть старинное название барса, еще сохранявшееся в XVII в. (Г.И. Королев). Под названием «рыси бежащей» зверь был изображен на «печати псковской» на Государственном знамени, созданном согласно указу 1665 г.

Начиная с Титулярника 1672 г., в псковском гербе изображался шествующий барс, над которым из облаков выходила длань. В росписи гербов на полковые знамена 1730 г. были названы цвета «земли» (зелень) и поля щита (лазурь) (*Лакиер А.* Русская геральдика. Ч. I. СПб., 1855. С. 292). 28 мая 1781 г. был утвержден губернско-городской герб, описание которого неполно: «В голубом поле барс и над ним из облак выходящая рука». Цвета фигур не названы. 8 декабря 1856 г. утвердили отдельный герб для Псковской губернии: «В лазуревом поле золотой барс, над ним выходящая из серебряных облаков десница». Описание 1856 г. повторено без изменений в описании псковской части «щита соединенных гербов княжеств и областей великороссийских», включенного в Большой государственный герб Российской империи.

23 февраля 1995 г. местными законами были приняты областной герб (*Сапрыков В.Н.* Государственные символы регионов России, М., 2004. С. 66), а 10 июля 2001 г. – городской символ (Гербы городов России. Кн. 1. М., 2004. С. 121). Описания гербов механически повторяют описания 1856 и 1781 гг.

Псковский лев XV в. аналогичен новгородскому льву («лютому зверю») того же времени. Общность символов, видимо, обусловлена связью двух городов. В Московском государстве символ прежней городской вольности был заменен новым. Год введения печати с барсом неизвестен. Сильный зверь барс был весьма уместен в качестве эмблемы приграничного города. Встречающееся в литературе именование прибавленной позднее десницы благословляющей относится только к форме длани 1856 г.

Лит.: *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки / МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 93. М., 1946. С. 45; *Белецкий С.В.* Вечевые печати Пскова. СПб., 1994; *Он же.* «Печати псковские». СПб., 1994; *Королев Г.И.* Новгородская «рысь» и псковский барс // Гербовед. 2002. № 1 (55). С. 19–26; *Лихачев Н.П.* Печать Пскова // Советская археология. 1960. № 3; *Мельникова А.С.* Псковские монеты XV в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1964. С. 222–244.

Сфрагистика (от греч. «sphragis» – печать), вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати. В работах на русском языке иногда без надобности именуется сигиллографией (от лат. *sigillum* – печать и греч. *graphō* – пишу). Объектами изучения являются печати всех типов всех исторических эпох.

Теоретическая часть дисциплины посвящена разработке принципов, методов и методики изучения печатей и источников о печатях, классифика-

ции сфрагистических памятников, истории печатей, проблемам терминологии. Конкретными исследованиями устанавливаются социально-политические и другие мотивы создания и использования печатей, правовые основания их употребления, функции тех или иных видов печатей, технические качества предметов (материал, из которого изготавливали матрицы и на котором делались оттиски, размеры и формы печатей и др.), способы скрепления документов печатями. Изучаются надписи и изображения на печатях, символика сфрагистических образов и печатей как целых предметов, художественные качества, отражение печатями исторических реалий. Проводится атрибуция и датировка печатей, раскрываются подделки.

Имея свои цели, задачи и способы исследования, определенную специфику своего языка, сфрагистика опирается на общие принципы источниковедения и сообразно надобности вовлекает в свой круг элементы других дисциплин и исследовательских направлений, например, материаловедения, геральдики. Результаты своих изысканий сфрагистика предоставляет другим областям исторического познания. Она имеет общие точки исследования с социально-политической, юридической, экономической, культурологической областями изучения истории, с историческими дисциплинами, такими как дипломатика, геральдика, генеалогия, эпиграфика, история учреждений и управления, история искусств. Публикация печатей (сфрагистическая археография) принадлежит одновременно к сфрагистике и археографии.

Сфрагистические памятники изучаются по историческим периодам (печати древнего мира, Раннего Средневековья и др.), функциям печатей (знаков собственности, знаков удостоверения документов и т.п.), по сферам применения (в публичном праве, в частном праве), категориям печатевладельцев, типам изображений. Изучаются целые категории и группы печатей и отдельные предметы.

Источниками для сфрагистических исследований служат матрицы и оттиски печатей, зарисовки не сохранившихся экземпляров, описания и другие известия в памятниках письменности.

Уже в древности в практике пользования печатями и оформления документов формировались приемы описания печатей, являющиеся прообразами сфрагистических исследований. Например, копия договора между царями Египта Рамсесом II и Хеттского государства Хаттусили (начало XIII в. до н.э.) заканчивается описанием подлинника и в том числе хеттских печатей (Хрестоматия по истории Древнего Востока) / под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 129–130). На вавилонских документах делались надписи о владельцах печатей и о действиях по оформлению документов, включая приложение печатей, вроде «копия (документа) с царской печатью», «заверили печатью», «поддельная печать», «при скреплении документа печатью присутствовали» и т.п. (Коллекцию формулировок см.: Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 24–27, 42–43). Установление подделок несомненно требовало

применения определенных приемов. Времена возникновения прообразов, в обозначенном выше смысле, предшествующие сложению научной дисциплины, составляют предысторию сфрагистики.

Интерес к печати как к историческому памятнику (остатку прошлого) и источнику побудил к возникновению специализированного направления исследований и научной дисциплины. В XVI в. в Западной Европе обнаружился интерес к монетам и медалям, преимущественно античным. Позднее стали появляться работы о печатях-произведениях, имеющих ряд сходных с монетами и медалями внешних черт. В 1601 г. в Нюрнберге вышел сборник репродукций в виде зарисовок древнегреческих и римских печатей Абрагама Гоорле из Испанских Нидерландов «Дактилиотека», положивший начало сфрагистической археографии. В 1695 г. сборник был переиздан в двух томах в Лейдене с дополнениями и примечаниями Якоба Гроновия.

Хотя первые шаги на поле сфрагистики были сделаны благодаря занятиям греко-римскими древностями, главным стимулом к формированию дисциплины стало развитие медиевистики. От Средних веков сохранилось большое количество печатей, образующих солидную базу для исследований. Ранними специальными трудами по сфрагистике были книги Оливаро Уредии о печатях графов фландрских (1639) и Теодора Гёпинга «Трактат о древнем и новом праве печати» (1642). В работе Клода Сальмара право печати, со ссылками на исторический опыт, рассматривалось в рамках вопроса о подписывании и припечатывании завещаний (1653). В конце XVII в. вышла работа Генриха-Гюнтера фон Тулемейера «О золотой, серебряной, свинцовой и восковой буллах» (1682; 2-е изд. 1697). В трудах XVII в. раскрытие исторического опыта в большой мере служило делу текущей деятельности по использованию печатей в практике составления документов. Некоторые стороны сфрагистики в XVII в. выявляются лишь как отдельные элементы содержания работ по тем или иным историческим темам, а не в специальных трудах. Так, в книге Шарля Дюканжа «Два комментария истории Византии» (1680) были опубликованы 3 византийские печати и описание четвертой. Это были элементы византийского раздела сфрагистики, которому предстояло сформироваться много позднее. Воспроизведение городской и университетской печатей и описание должности хранителя городской печати в истории Лиона, написанной Клодом-Франсуа Менетрие (1696), относятся к сфере изучения местных печатей.

В последней четверти XVII в. изучение печатей получило сильный импульс от возникшей тогда исторической дисциплины – дипломатики. Особое значение имел труд Жана Мабильона «Шесть книг дипломатики» (1681). Создание этой дисциплины было вызвано потребностью в выработке приемов изучения грамот, прежде всего в том, что касалось определения подлинности и подложности, атрибуции и датировки документов. К признакам, путем изучения которых решались названные проблемы, относились печати.

К концу XVII в. литература по сфрагистике состояла из небольшого количества специальных работ и экскурсов о печатях в трудах по вопросам дипломатики, истории, правоведения. За немногими исключениями в XVII в. исследовались печати со средневековых грамот на латинском языке. В трудах, затрагивавших проблемы сфрагистики, было воспроизведено довольно значительное в общей сложности количество печатей. Их много, например, в работе Мабильона. Описания печатей свидетельствуют о том, какие черты печатей видели исследователи XVII в. Так, в «Дактилиотеке» репродукции сопровождаются надписями, вроде «Голова Юлия Цезаря в лавровом венке со звездой над теменем» (содержание), «железный перстень» (вид печати и материал матрицы). Дюканж описывал печать так: «На письме на бумаге оттиснута круглая печать красного воска с изображением двуглавого орла с распростертыми крыльями и с двумя небольшими коронами» (материал, цвет и форма отпечатка, способ скрепления документа, изображение с указанием разновидности документа и его материала). Изучение другими авторами печатей в историко-юридическом отношении было путем установления одной из функций печатей в жизни общества.

В XVIII в. в оборот были введены новые, более значительные по объему, чем прежде, комплексы печатей. В 1708 г. в двухтомной «Генеалогической истории Овернского дома» Этьен Балюз опубликовал множество печатей, скреплявших включенные в труд грамоты и описания документов. В данном случае сфрагистика сыграла определенную роль в генеалогическом исследовании. Печати, сохранившиеся при документах, были опубликованы в первом томе «Исторических памятников Чехии» Геласия Добнера (1764). Специальные исследования были посвящены праву печати (Юст Генниг Бёмер, 1742) и истории употребления печатей по царствованию императора Карла IV включительно (Иоганн Михаэль Гейнеке, 1709; 2-е изд. 1719) и печатей «варварских веков» (35-я «диссертация» в сборнике статей Антонио Лодовико Муратори об источниках «Средневековые древности Италии», 1740. Т. 3 [лат.], 1755. Т. 2. Ч. 2 [ит.]). К 1739–1749 гг. относится упоминаемая в литературе работа Доменико Марио Манни «Исторические наблюдения над подлинными печатями Средних веков» (11 томов). Возникла потребность в наименовании работы над печатями. Название этой работы – «Сфрагистика» – в 1753 г. предложил Иоганн Гейман во 2-ом томе своих «Комментариев дипломатики германских императоров и королей». Во второй половине XVIII в. некоторые авторы называют сфрагистику наукой с прибавлением слова «новая». Так воспринимал ее Грегор М. Грубер: «Хотя во всех странах печати употреблялись более 3000 лет назад, печатеведение является самой молодой наукой» (цит. по: *Troper A.G. Urkundenlehre in Österreich ... Graz, 1994. S. 219*). Грубер писал это в учебнике по дипломатике для студентов Венского университета. Его курс был одним из курсов вспомогательных исторических дисциплин, введенных в последней трети XVIII в. в университетах Священной Римской империи. Сфрагистика преподавалась тогда в

составе дипломатики. Для Иоганна Христофа Гаттерера, который в 1765 г. подвел итоги изучению печатей, сфрагистика была «новым искусством». Гаттерер описал место сфрагистики в исследовании актов. По его мнению, одной из частей дипломатики является «семиотика», занимающаяся знаками в текстах документов и на документах. В «семиотике» Гаттерер выделил раздел «сфрагистика», состоящий из общей (теоретической) и специальной (по группам печатей, по историческим периодам и др.) частей. Начиная с Гейнеке, в перечне задач сфрагистического исследования называли анализ и классификацию печатей по подлинности и неподлинности в связи с проблемой подлинности и неподлинности документов. В XVIII в. исследовались функционирование печатей, способы прикрепления их к документам, формы, материал, изображения и надписи. Тесной связью сфрагистики с дипломатикой объясняется изучение актовых печатей.

В XIX – начале XX в. работа по развитию источниковой базы сфрагистики стала тяготеть к созданию и изданию корпусов печатей, составлявшихся по территориальному (страна, область и др.), сословному (печати одного сословия), ранговому и другим признакам. Крупнейшая ранговая публикация – «Печати германских императоров и королей 751–1913 гг.» – вышла в Дрездене в 1909–1913 гг. в пяти томах. Большое количество печатей увидело свет на страницах исследований по сфрагистике и геральдике, а также каталогов, подготовленных отдельными музеями. Один из крупнейших каталогов – шеститомный справочник о печатях, хранящихся в Британском музее.

Центральное место в западноевропейской сфрагистике занимали европейские печати Средних веков и раннего Нового времени. Возникшая в XVII в. связь сфрагистики с дипломатикой сохранялась и в XIX – начале XX в. Ранним для XIX в. случаем издания крупного сфрагистария в связи с дипломатикой и актовой археографией является сборник печатей правителей Савойи, изданный в 1834 г. в рамках работ по изданию актов учрежденной в 1833 г. в Турине Королевской комиссией отечественной истории. Этот сфрагистарий, как и последующие издания сборников печатей, подготовленных в разных странах, включал описания экземпляров, в которых сообщались результаты исследования памятников (атрибуция, датировка и т.д.). Ближе к концу XIX в. объектами изучения и публикации стали печати цехов, гильдий, людей непривилегированных сословий.

Археологические исследования в странах Ближнего Востока, проводившиеся в рамках формировавшихся в XIX в. историко-востоковедческих направлений, привели к открытию большого количества печатей в Месопотамии, Малой Азии, Египте, Сирии и других странах. Возникла база для сфрагистических востоковедческих исследований. Хотя первые шаги в византиноведческой сфрагистике были сделаны в XVII в., развитие этой отрасли приходится на XIX в. Труд Г. Шлюмберже 1884 г. знаменовал новый этап в византиноведческой сфрагистике, выразившийся в создании монографии,

охватывающей весь круг проблем, какие были выявлены византинистами в XIX в. Объем опубликованного сфрагистического материала, весьма рассеянного по разным изданиям, возбудил вопрос об учете его (см. статью И. Бойничича в «Вестнике Хорватского археологического общества», 1880, № 2).

В 1860 г. вышел «Словарь практической сигиллографии» А. Шассана и Ж.-Ж. Дельбарра, в котором, в частности, была дана классификация печатей. Специфические проблемы чтения надписей на печатях в 1881 г. попытался решить Г. Демэ в небольшой книжке «Палеография печатей», в которой охарактеризованы почерки эпох от Меровингов до Ренессанса и раскрыты сокращения, встречающиеся на печатях. В конце XIX – начале XX в. было опубликовано несколько обобщающих работ по сфрагистике, в которых излагались задачи и принципы дисциплины, а также краткая история употребления печатей (Г. Гротефенд, 1875; А. Лекуа де Ламарш, 1889; Г.А. Зейлер, 1894; Ж. Роман, 1912; В. Эвальд, 1914).

Показателем развития сфрагистики в известном смысле является создание в середине XIX в. в Париже Общества сфрагистики, издававшего труды. В области сфрагистики наметилось международное сотрудничество. Ряд докладов по дисциплине был сделан на состоявшемся в 1905 г. в Льеже Международном конгрессе по воспроизведению рукописей, монет и печатей (выбор техники репродукции, изготовление муляжей). На Международном конгрессе архивистов и библиотекарей в Брюсселе затрагивался вопрос о хранении и воспроизведении печатей. Постановка вопроса об издании корпуса греческих актов Средних веков и Нового времени на Первом Международном конгрессе историков в 1900 г. косвенным образом, т.е. в случае реализации программы, стимулировала исследование печатей, сохранившихся на грамотах.

Наметившиеся к началу XX в. направления в сфрагистике за рубежом продолжали существовать в следующем столетии. В рамках проблем учета, каталогизации и публикации печатей решались задачи обеспечения источниковой базы исследований. О значении учета см., например, статью М. Хайсига 1959 г. Хорошим примером является систематическое выявление и учет матриц в государственных архивах Чехии в 70-е гг. Новым явлением стали работы по применению ЭВМ для учета печатей (статья Т. Дидериха, 1987 г.).

Публикаторская работа дала ряд крупных трудов в форме корпусов, как-то «Корпус нидерландских печатей до 1300 г.», изданный в 1937–1940 гг.; многотомный «Корпус печатей Византийской империй», осуществляемый по программе, составленной В. Лораном, с изменениями, внесенными на XI Международном конгрессе византинистов в 1958 г. Из востоковедческих сфрагистических публикаций упомянем «Корпус печатей древнего Ближнего Востока в северо-американских собраниях» и двухтомник печатей из городов Индской (Хараппской) цивилизации. В хронологическом смысле

сфрагистическая археография достигала Новейшего времени (см. венгерские сборники печатей периода Венгерской Советской Республики). Связь печатей с конкретными документами и родами документации показывают репродукции печатей, включаемые в медиэвистические дипломатрии с надлежащими описаниями (см., например, словацкий дипломатрий, издающийся с 1972 г.).

В обобщающих работах излагалась история печатей в Западной Европе в целом или в отдельной стране (Э. фон Берхем, 1923; Л. Гонзага де Ланкастр-и-Тавора, 1983; М. Гумовский и М. Хайсиг, 1960), а также в отдельных средневековых государствах («Средневековые печати Боснии и Герцеговины» П. Анджелича 1970 г.; «Печати князей Мазовецких» С.К. Кучиньского 1978 г. и др.). Начатая Шлюмберже и законченная уже в XX в. другим византинистом «Сигиллография Латинского Востока» вышла в 1943 г. В этом труде представлено исследование печатей государств, возникших на Ближнем Востоке в результате крестовых походов. Исследовались и отдельные виды и группы печатей, например, перстни-печатки Меровингов (книжица М. де Бони де Лавернь, 1967), «Печати верхнесилезских ремесленных цехов XV–XVIII вв. и их историческое значение» Д. Томчича, 1975 г. К немногим специальным работам по сфрагистической палеографии, стилистике и титулатуре в надписях принадлежит работа А. Лиме «Легенды касситских печатей» 1971 г. Специальные работы посвящены ряду других аспектов сфрагистики: изображениям кораблей на печатях (Г. Эве, 1971), типологии изображений на сасанидских (Р. Гёбль, 1973), месопотамских (О. Вебер, 1920) и других печатях; комплексу печатей на одном документе (работа Т. Карчевской о печатях на грамоте Торуньского трактата 1466 г.). Словацкий медиэвист А. Гушчава исследовал подделки грамот и печатей в XIV в. (1934). Проблемы издания печатей привели к написанию работ по методике сфрагистической археографии (см., например, статьи М. Турнер-Никодем 1929 и 1955 гг.). В учебниках по комплексам вспомогательных исторических дисциплин, выпущенных в разных странах, можно найти разделы, посвященные сфрагистике.

В России до возникновения научной дисциплины существовала традиция описания печатей при копировании документов. Типовое описание включало указание владельца печати, изображения и надписи, а часто и материала оттиска и степени сохранности или утрату. Например: «У полные (грамоты – Г.К.) печать, черчено на четыре углы, а в нем писано: тамга княжи верейского, да туто ж писана птица», «у полные печать была вошчаная, да стаяла», «у докладные печать вошчаная невелика» и т.п. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 412, 431, 435). В описи архива Посольского приказа 1627 г. сведения о государственных печатях состоят из указания вида печати (матрицы) и материала, из которого она сделана, изображения и общего указания на надписание титула («Печать государева большая серебряная,

складная в два круга, на обеих орлы с корунами, меж глав резаны кресты, около орлов по три строки писано титуло государево». Сведения о печатях церковных иерархов сводятся к указанию хранения их в одном мешочке и материала (Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печ. *В.И. Гальцов*; под ред. *С.О. Шмидта*. Ч. 1. М., 1977. С. 310–311). В Патриаршую летопись были внесены описания государственной печати и печати юрьевского и новгородского наместников 1561, 1564 и 1565 гг. с указаниями назначения предметов (Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 1965. С. 331, 386, 398). Указ о «печати царственной большой» (не ранее 30 января 1667 г.) содержит описание памятника и объяснение значения фигур, на нем изображенных (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 1. [СПб.], 1830. № 421). Наказы воеводам и таможенным головам, сохранившиеся от XVII в., подробно раскрывают функции печатей. Описания печатей в копиях актов носят практический характер, так как свидетельствуют о наличии знаков удостоверения документов и, тем самым, говорят о юридическом значении их. Описания в архивных справочниках и специальных росписях печатей носят учетный характер. Известие Патриаршей летописи было текущей информацией, включенной, однако, в вереницу исторических пактов и не являвшейся делопроизводственной.

В практической описательной работе вырабатывались способы описания и термины. К прообразам научной классификации относятся именованная печатей «государевой», «государственной», «царственной», «властелинской», «боярской», «кормленной», «таможенной», «большой», «меньшой», «привесной», «серебряной», «свинцовой», «вощенной» и т.п.

Научный интерес к печатям обнаруживается в XVIII в. Для постановки вопроса об изучении печатей известное значение имело «Объявление предложения, для исправления российской истории касающегося...» Г.Ф. Миллера (1732), в котором имеется пункт, посвященный сходному кругу источников – монетам и медалям. В своей «Истории Сибири» Миллер приводит отдельные сведения о печатях, не отводя им специальных разделов. Отдельные сведения о печатях приведены в «Истории российской» В.Н. Татищева. Специальный раздел, представляющий, впрочем, лишь перечень «особливых канцелярских печатей и гербов» (сибирских городских печатей), имеется в «Сибирской истории» И.Э. Фишера (1774).

Публикация грамот в «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новикова (1773–1775; 2-е изд. 1788–1791) сопровождалась сведениями о печатях («У подлинной грамоты привязана свинцовая печать со изображением на одной стороне образа Спасителя, а на другой архангела Михаила», «У подлинной грамоты привязаны две свинцовые печати на шелковых шнурах» [без указания цвета шнуров и с описанием изображения и текстом надписи], «К сей грамоте привешена восковая печать, которая столько повредила, что никакова на оной изображения видеть не можно» и т.п.).

В труде Новикова нет воспроизведений печатей. Они есть в начатом в 1813 г. изданием «Собрании государственных грамот и договоров». Большое количество печатей в натуральную величину воспроизведено под документами, на которых они сохранились. Даны и описания предметов. Это издание положило начало сфрагистической археографии в России. Первым же крупным трудом в сфрагистической археографии и, естественно, сфрагистике в целом, был каталог и одновременно публикация печатей, хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции, подготовленный директором архива П.И. Ивановым (М., 1858). Значительный объем сфрагистического материала содержит 1-й (единственный) выпуск «Снимков печатей государственных, царских...» (и других), изданный в 1882 г. в Москве. В 1900 г. в Гельсингфорсе вышел сборник средневековых печатей Финляндии.

Специальные работы по отдельным вопросам сфрагистики начали появляться с первой трети XIX в. Первым же опытом изложения истории употребления печатей в России был занявший более ста страниц раздел в книге А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (Ч. 1. М., 1855. С. 83–198). Дополнением к этому общему очерку сфрагистики является глава «История герба государственной печати» (С. 213–275). По мнению Лакиера, русской сфрагистике еще не были положены даже «начата». Историю русских печатей Лакиер начинал с договора Руси с греками 944 г. Древнейшие известные Лакиеру сохранившиеся печати относились к началу XII в. Лакиер классифицировал печати по владельцам (княжеские, городские, духовных учреждений, должностных лиц и приказов, частных лиц). Поскольку история печатей изложена в труде по геральдике, то значительное внимание Лакиер уделил сфрагистическим эмблемам, решая вопрос, были они гербами или не были.

Почти до конца XIX в. печати изучались главным образом по отдельным поводам в исторических трудах. Так, в работе Н.П. Загоскина «История права Московского государства» (Казань, 1877. Т. 1) в главе «О правах и преимуществах верховной власти в Московском государстве» есть раздел, посвященный истории герба, в значительной мере являющийся историей употребления государственной печати. В связи с историей государственного герба о печатях писал Б.В. Кёне в небольшой книжке, изданной в Берлине в 1860 г.

Основными объектами исследования были акты печати. находка на Буге в 1864 г. крупного комплекса пломб побудила к написанию о них специальных работ, из которых наиболее значительным был труд К.В. Болсуновского «Дрогичинские пломбы» (Киев, 1894. Ч. 1), в котором материал был описан и воспроизведен и по его поводу были высказаны предварительные соображения. Первая глава этой работы представляет историографию изучения пломб в России и за рубежом.

Сфрагистика преподавалась в Петербургском и Московском археологических институтах. Опубликованные лекции Н.П. Лихачева (за 1904–1905 и

1905–1906 гг.) продолжили линию обобщений в сфрагистике, заложенную Лакиером. Лихачеву принадлежит ряд работ об отдельных группах печатей, изданных в начале XX в. На начало XX в. приходятся и труды А.В. Орешникова (Материалы к русской сфрагистике. М., 1903) и А.С. Лаппо-Данилевского «Печати последних галицко-владимирских князей и их советников» в сборнике «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907).

В XX в. издание древнерусских печатей было продолжено. В советское время была предпринята крупнейшая публикация русских сфрагистических памятников в двух томах «Актовые печати Древней Руси», подготовленная В.Л. Яниным, изданная в 1970 г. и продолженная 3-им томом Янина и П.Г. Гайдукова в 1993 г. Историографические аспекты выявления и издания русских печатей рассмотрены в статьях А.С. Орлова (в сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины». М.; Л., 1937) и В.Л. Янина (Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 2. Л., 1969). Публиковались также древнегрузинские (Корпус памятников глиптики Древней Грузии. Вып. 1. Тбилиси, 1969), византийские печати (составленный В.С. Шандровской сборник материалов Эрмитажа, изданный в 1975 г., и сборник печатей, собранных Н.П. Лихачевым, – в 1991 г.), иранские геммы эпохи Сасанидов (1963) и др.

Публикации памятников сопровождались исследовательскими статьями и описаниями. В отдельных работах исследовались комплексы печатей тех или иных типов, того или иного происхождения, как-то: статьи И.Б. Брашинского, В.В. Борисовой и Б.А. Василенко о керамических клеймах древнего Причерноморья в сб. «Нумизматика и эпиграфика» в 1974–1975 гг.; работа М.Н. Лордкипанидзе «Колхидские перстни-печати V–III вв. до н.э.» (Тбилиси, 1975), С.В. Белецкого о псковских актовых печатях в составе серии «Сфрагистика средневекового Пскова» (СПб., 1994. Вып. 1, 2), Н.Г. Порфиридова о новгородской так называемой вечевой печати (Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 2. Л., 1969), Н.Ф. Демидовой о печатях русских государственных учреждений XVII–XVIII вв. (Труды научной конференции по архивному делу в СССР. Т. 2. М., 1965) и о таможенных печатях тех же веков (Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970), Б.С. Ватули об украинской сфрагистике (Історичні джерела та їх використання. Вип. 1. Київ, 1964) и др. Проблеме предмета и историографии украинской сфрагистики посвящена специальная работа В.О. Гавриленко (Киев, 1977). Идентификацией конкретных фигур на печатях занимались И.Э. Клейнберг (Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 2. Л., 1969) и Г.И. Королев (Гербовед. 1998. № 4), писавшие о «лютом звере». См. также статью Г.И. Королева о единороге на красноярской печати XVII в. (Гербовед. 2005. № 7). Затрагивались некоторые аспекты зарубежной сфрагистики: издание печатей (статьи Г.И. Королева в журнале «Гербовед». 2000. № 3; 2002. № 1; в сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». Т. 28. 2002), изобразительные мотивы на печатях (статья А.В. Банк об изображении полета

Александра Македонского на небо на византийский печати, 1940; В.С. Шандровской – о святом Георгии на византийских печатях, 1977).

В журнале «Советская археология» (затем «Российская археология») публиковались в разные годы статьи и сообщения об античных клеймах Северного Причерноморья. В 1963–1975 гг. в Киеве вышли 5 выпусков сборника «Нумизматика и сфрагистика».

В 1963 г. было издано и в 1974 г. переиздано учебное пособие Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова «Русская сфрагистика и геральдика». В том или ином объеме сфрагистика занимает место в учебных пособиях по комплексу вспомогательных исторических дисциплин.

В 1991 г. свет увидела монография Н.А. Соболевой «Русские печати», посвященная памятникам XIV–XV вв., но содержащая экскурсы в более раннюю историю печатей на Руси. В работе есть историографический очерк сфрагистики как научной дисциплины, дан разбор юридических аспектов пользования печатями, оценено источниковедческое значение печатей, рассмотрена государственная символика на печатях.

В XX в. сложилась объемистая и разнообразная по тематике литература по сфрагистике. Недостаточно внимание уделено принципам и методам изучения печатей, что было бы уместно прежде всего в учебных пособиях, а также архивоведческой стороне работы над печатями (система учета и описания, хранения и др.). Недостаточно справочников по сфрагистическим собраниям (см. обзор матриц из собрания ГИМ Е.И. Каменцевой в «Гербовед» . 2004. № 4).

При данной выше характеристике зарубежной сфрагистики было отмечено появление в XX в. таких проблем, отражаемых в известной мере в печати, как использование ЭВМ и систематическое выявление и описание сфрагистического материала. Проблемой архивного дела является издание справочников о печатях, решение которой требует разработки классификаций печатей, единообразной системы учета и описания. Аспекты этой проблемы, а также вопрос об использовании печатей в учебных целях рассматривается в некоторых трудах по архивному делу, впрочем, в немногих. Названной проблеме уделено внимание во французском «Пособии по архивному делу» (Manuel d'archivistique. Paris, 1970. P. 463–473). В 1960 г. при Международном совете архивов был учрежден комитет по сфрагистике с целью изучения и обмена опытом в деле учета, описания, хранения, реставрации, воспроизведения печатей, разработки справочника терминологии. Этот круг вопросов рассматривается на секции сфрагистики международных конгрессов архивистов. Отчеты и иная информация о деятельности комитета и других формах сотрудничества в области сфрагистики публикуется в журнале МСА «Archivum». Важным результатом работы комитета является издание в 1990 г. «Международного словаря по сфрагистике». Словарь содержит большое количество терминов с толкованиями на французском языке и параллелями на 12 европейских языках, в том числе русском.

Лит.: *Болсуновский К.В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1894. Ч. 1; *Белецкий С.В., Петренко В.П.* Печати и пломбы из Старой Ладogi: свод // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 184–283; *Борисова В.В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 11. М., 1974. С. 99–124; *Василенко Б.А.* О характере клеймения гераклеийских амфор в первой половине IV в. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 11. М., 1974. С. 3–28; *Вигилев А.* Русские почтовые печати: Были ли они первыми? // Советский коллекционер. Вып. 9. М., 1971. С. 114–116; *Гавриленко В.О.* Українська сфрагістика: Питання предмета та історіографії. Київ, 1977; *Каменцева Е.И.* Русские печати XV–XVIII вв. как исторический источник // Гербовед. 2004 № 4 (70). С. 9–23; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. 2-изд., доп. М., 1974; *Лазаров М.* Амфорните печати от Одессос // Известия на Народния музей-Варна. Кн. 10 (25). Варна, 1974. С. 19–56; *Лакиер А.* Русская геральдика. Кн. 1. СПб., 1855. С. 83–198, 213–275; *Лихачев Н.П.* Древнейшая сфрагистика. СПб., 1906; *Он же.* Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905/1906; *Орешников А.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903; *Орлов А.С.* Материалы для библиографии русских печатей (XI–XV вв., до 1425 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. М.; Л., 1937. С. 245–283; *Порфиридов Н.Г.* Новгородская «вечевая» печать // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 2. Л., 1969. С. 190–198; *Он же.* Печати городских концов Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 4. Л., 1972. С. 146–151; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991; *Хорошкевич А.Л.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 4. Л., 1972. С. 128–146; *Цітоў А.* Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі. Мінск, 1993; *Шандровская В.* Образ святого Георгия на византийских печатях. Тбилиси, 1977; *Якобс В.* Два юбилея: Из истории отечественных специальных почтовых штемпелей // Советский коллекционер. Вып. 10. М., 1972. С. 53–67; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1–2; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3; *Янин В.Л.* Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 237–261; *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris, 1962; *Andelić P.* Srednjovjekovni pečati iz Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1970; *Bascape G.C.* Sigillografia: il sigillo nella diplomazia, nel diritto, nella storia, nell'arte. Roma, 1969. Т. 1–2; *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235–1451. Mit einer Liste der Hofgerichtsurkunden. Köln; Wien, 1979; *Berchem E. von.* Siegel. 2. verb. Aufl. Berlin, 1923; *Biesantz H.* Kretisch-mykenische Siegelbilder. Marburg, 1954; *Bony de Lavergne M. de.* Les anneaux sigillaires royaux mérovingiens. S.l., 1967; *Borowski E.* Cylindres et cachets orientaux conservés dans les collections suisses: Contribution à l'histoire de la glyptique en Asie Occidentale. Ascona, 1947. Т. 1; *Diederich T.* Inventarisierung von Siegelbeständen mit Hilfe der EDV: information und Überlegungen zu einem neuen Projekt // Der Archivar. 1987. Н. 3. S. 387–397;

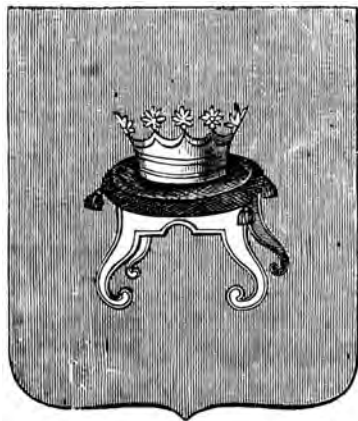
Id. Geschäftssiegel: Untersuchungen zur Verbreitung, Funktion und Bedeutung des Sigillum ad causas in Rheinland // Deutsches Archiv des Mittelalter. 1975. Bd. 21. S. 459–498; *Diezel R.* Die Siegel der thüringischen Ämter in Rahmen der Verfassung // Forschungen zur thüringischer Landesgeschichte: Friedrich Schreiner zum 70. Geburtstag. Weimar, 1998. S. 229–272; *Ewald W.* Siegelkunde. München; Berlin, 1914; *Ewe H.* Schieffe auf Siegeln. Rostock, 1972; *Gandilhon R.* Bibliographie de la sigillographie française. Châlon-sur-Marne, 1956; *Gonzaga de Lancastre e Távora L.* O estudo da sigilografia medieval portuguesa. Lisboa, 1983; *Grotefend H.* Ueber Sphragistik. Breslau, 1875; *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. Warszawa, 1960; *Ilgen T., Gritzner E., Friedensburg F.* Sphragistik. Heraldik. Deutsche münzgeschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1912; *Karczewska T.* Przegląd pieczęci pruskich z dokumentów traktatu toruńskiego z 1466 roku // Komunikaty mazursko-warمیńskie. 1962. S. 753–779; Die kretisch-mykenische Glyptik und Ihre gegenwärtigen Probleme I Das Corpus der minoischen und mykenischen Siegel. Boppard, [1974]; *Kuczyński S.K.* Pieczęci książąt mazowieckich. Wrocław etc., 1978; *Laurent R.* Sigillographie. Bruxelles, 1985; *Limet H.* Les légendes des sceaux cassites. Bruxelles, 1971; *Mayer H.E.* Siegelwesen in den Kreuzstaaten. München, 1978; *Müller K.* Návrh pravidel pro zpracování typářů a dalšího sfragistického materiálu (pečetí, odlitků pečetí) // Archivní časopis. 1989. Ě. 4. S. 215–219; *Id.* Revize evidence typářů v severomoravských archivech // Archivní časopis. 1987. Ě. 4. S. 211–215; *Posse O.* Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige von 751 bis 1806. Dresden, 1906–1913. Bd. 1–5; *Schuh D.* Grundlagen tibetischer Siegelkunde. Sankt Augustin, 1981; *Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894; Sigillographie de l'Orient Latin / commencé par G. Schlumberger, continuée par F. Chalandon, complétée, annotée et pub. par A. Blanchet. Paris, 1943; *Tomczyk D.* Pieczęcie górnośląskich cechów rzemieślniczych z XV–XVIII wieku i ich znaczenie historyczne. [Opole], 1975; *Tourneur-Nicodème M.* A propos de la publication des sceaux // Archives, bibliothèques et musées de Belgique. 1955. № 1. P. 11–18; Vocabulaire international de la sigillographie. Roma, 1990; *Weber O.* Altorientalische Siegelbildes. Leipzig, 1920. Bd. 1–2.

Тверской герб. Тверская великокняжеская эмблематика известна по печатям Бориса Александровича (1425–1461) и Михаила Борисовича (1461–1485) с изображением всадника с саблей. Другую группу источников составляют монеты XV в. с различными фигурами, включая всадника с мечом, льва, орла и двуглавого орла. Надпись «печать (имярек)» классифицирует нумизматические образы как сфрагистические.

Новый этап в истории тверской эмблематики начинается с создания «печати великаго княжства Тверского» для комплекса областных знаков, визуализирующих части царского титула, помещенных на Большой государственной печати Ивана Грозного ок. 1577 г. На тверской печати изображен шествующий медведь. Встречающиеся до сих пор толкования об ошибочном показании на тверской печати медведя неверны, ничем не подтверждены.

Во время Ливонской войны медведь символизировал силу государства и русского оружия в области, бывшей одним из участков театра военных действий. В частности, у Старицы и Ржева были сосредоточены войска для прикрытия подступов к Москве. Матрица и оттиски, а также письменные свидетельства об этой печати неизвестны. По изобразительным материалам XVII в. известна другая печать – с изображением престола и лежащей на нем короны. Указ о построении царского знамени с печатями «государств» (титульных областей) от 13 октября 1665 г. описывает тверской знак как «престол без степени, на престоле лежит венец царский». Такая композиция представляла Смоленскую землю на Б ольшой печати Ивана IV. После утраты Смоленска в 1611 г. из царского титула был исключен соответствующий топонимический элемент. Смоленский сфрагистический знак был сделан тверским, вероятно, как более выразительный, чем медведь, символ значительности царской власти и Тверской области в условиях XVII в.

Во второй половине XVII в. тверской символ воспринимался уже не только как сфрагистический, но и как геральдический знак. В таком качестве он представлен в Титулярнике 1672 г. На плохо нарисованном престоле изображены две подушки, истолкованные Н.А. Соболевой как два хлеба (*Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 201*), и закрытая корона. Со времени создания гербов для полковых знамен (1712 и 1730 гг.) тверской герб приобрел значение городского символа, сохранившись и в титульной эмблематике. В росписи полковых знаменных гербов 1730 г. дано первое утвержденное описание тверского символа: на

«серебряном стуле подушка зеленая, на подушке корона княжеская, поле красное». Очевидно, что значение, которое имело выражение «венец царский», в первой трети XVIII в. утратилось. Именованье короны княжеской привело ее ранг в техническое соответствие с титульным статусом области.

10 октября 1780 г. был утвержден герб для города и одновременно для всего Тверского наместничества. Описание неполно, а потому и не совсем ясно: «В красном поле на зеленой подушке золотая корона». Не упомянута изображенная в гербе подставка для подушки, а, главное, не назван вид короны. 8 декабря 1856 г. отдельный герб получила Тверская губерния: «На червленом поле золотой трон, на нем царская на зеленой подушке корона». Престол стоит на неуказанных в описании двух ступенях. Определение короны царской вернуло данную деталь герба к значению, которое придавалось ей в XVII в., хотя, может быть, лишь в формальном отношении.

«Царская корона» имеет вид шапки Мономаха, как на смоленской печати Ивана Грозного. Герб в такой форме включен в Большой государственный герб Российской империи для показания Тверского княжества как из земель «великороссийских».

29 ноября 1996 г. был утвержден герб Тверской области в виде золотого трона на двух ступенях с положенной на него шапкой Мономаха в красном щите. Этот герб изображен в центре областного флага, состоящего из вертикальных желтой, красной и желтой полос на полотнище с соотношением сторон 3:2, желтые полосы занимают по 1/4 длины флага каждая (Сапрыков В.Н. Государственная символика регионов России. М., 2004. С. 75).

Фантастическая генеалогия, тематический раздел генеалогии, посвященный изучению вымышленных родов и родовых связей. Объектами исследования являются целые вымышленные родословия и вымышленные части генеалогий реальных родов.

Фантастические генеалогии создавались, начиная, практически, с древнейших зафиксированных письменными источниками исторических периодов, в рамках мифов, религии, устного народного творчества, исторической науки и литературы.

В древности сочинялись родословия богов, богов³ и героев-людей и людей. Генеалогические сказания о богах отражают ранние представления народов о возникновении мира и действующих в природе силах, представоющих в источниках в персонифицированном виде. Генеалогические аспекты есть в шумерских и аккадских, древнеегипетских, греческих и других мифах о богах. В выдающемся произведении фантастической генеалогии в поэме Гесиода «Теогония» (VIII в. до н.э.) первым поколением богов представлены явления природы (Хаос, Гея, Тартар и т.п.). Позднейшие поколения богов изображены антропоморфами. Другой разряд образуют генеалогические сказания о происхождении людей-героев от богов. Так, реальная династия царей Спарты возводилась к сыну Зевса Гераклу (см. например у Геродота, V в. до н.э.). Гераклидами считались и цари Македонии. От богов выводили не только царские династии. Светоний (I–II вв.) передает речь Гая Юлия Цезаря, в которой заявлялось о происхождении Юлиев от богини Венеры (Юл., 6, 1). Политик Цезарь демонстрировал родовое тщеславие и политический интерес.

В древности мифологические родословия излагались не только как нечто действительное, но иногда и с критической оценкой. Геродот, по большей части, не высказывал отношение к фантастическим родословиям. Однако, пересказав скифскую легенду о происхождении родоначальников скифов от Геракла и змееногой девы, замечает: «Я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения» (Геродот. IV, 5). Геродот же сообщает, что Гекатей рассказал египетским жрецам о происхождении своего рода от бога, но те

³ Так в тексте. Прим. публ.

предъявили «свои родословные расчеты», оспорившие «происхождение человека от бога» (II, 143). В одной из эпиграмм Марциал (40–104) насмехается над генеалогическим тщеславием одного человека, приписывавшего себе нереальное происхождение.

Генеалогический вымысел был не чужд Средневековью и раннему Новому времени. Вымышленные начала реальных родословий сочиняли в византийской среде (*Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 53–54). Обращаясь к античной тематике, западноевропейцы нередко повторяли древнегреческие, римские и ветхозаветные генеалогические легенды. Происхождение народов свободно выводилось от мифических древних предков. Например, Никола Жиль (XV в.) провел родословную линию от Юпитера к троянцам, от троянцев – к французам, венецианцам, римлянам, англичанам, нормандцам, туркам и австрийцам (*Gillet N. Annales et croniques de France...* Paris, 1553. P. VI – VII). В сочинении, изданном в 1609–1617 гг., Гарсиласо де ла Вега привел родословие инков, начинающееся первым инкой Манко Капаком, сыном Солнца и Луны (*Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974). Легендарные генеалогии возникали и вследствие слабого представления о предшествующих эпохах. По этой причине в иранских летописях времен Сасанидов (III–VII вв.) появились рассказы о мифических древних династиях (*Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960. С. 169). В начале XI в. в своей эпической поэме «Шахнаме» Фирдоуси в поэтической форме изложил историю правлений в Иране, начиная с легендарных Кейянидов и кончая реальными династиями. Начинается же поэма с первого царя – человека Кайюмарса (Гайюмарта).

Сочинение фантастических генеалогий служило политическим целям. Самым ярким случаем фантастической генеалогии в России была возникшая в XVI в. легенда о происхождении Рюриковичей от вымышленного брата Августа Пруса. Фантастические генеалогии подчас сочиняли беллетристы. В романе Франсуа Рабле родословие Пантагрюэля в 61 поколение носит характер гротеска в рамках общей сатирической направленности произведения. Особый случай возникновения элементов фантастической генеалогии – утверждения самозванцев о родстве с государями или знатными лицами (Лжедмитрии I и II, «Тимошка» Анкудинов, граф Калиостро и др.).

В конце XVI в. И. Геннингес опубликовал без каких-либо критических оценок большую коллекцию вымышленных древних родословий в одном собрании с реальными родословиями (*Henninges H. Theatrum genealogicum... magdeburgae,* 1597–1598. Т. 1–4). Постепенно сочинение фантастических генеалогий и включение ранее составленных родословий того же рода в исторические труды перестало быть способом изложения знаний. Старые вымышленные родословия превращались в критически изучаемые исторические источники. Например, В.Н. Татищев так оценил родословную легенду о происхождении Рюриковичей: «Глинский, дед царя Иоанна II (Ивана IV – Г.К.), а по нем Макарий митрополит, прельстяся польскими

баснями, хотел род Рюриков от Августа императора произвести» ([Татищев В.Н.] История российской. Т. 1. М.; Л., 1962. Гл. 46). В начале XX в. на наличие легендарных элементов в русских родословиях обращал внимание Л.М. Савелов ([Савелов Л.М.] Лекции по русской генеалогии. М., 1994. С. 34–35). Критические оценки фантастических генеалогий встречаются и в зарубежной литературе. Все же объектами систематического изучения фантастические генеалогии не стали.

Фантастические генеалогии выражают часть знания о прошлом в период их создания. Они отражают образ мифологического, исторического, фольклорного и литературного мышления, социальные побуждения к измышлению родословных легенд. Задача изучения фантастической генеалогии состоит в открытии и объяснении причин и поводов к сочинению фантастических генеалогий и источников, на которых такого рода сочинительство основывалось.

Лит.: *Коралев Г.И.* Вымышленные родословия и эмблемы и задачи их изучения // Единство гуманитарного знания: Новый синтез: м-лы XIX Международной научн. конф. Москва, 25–27 января 2007 г. М., 2007. С. 182–185; *Молчанов А.А.* Происхождение Багратидов: Версия о библейских корнях рода в трудах средневековых авторов // Л[етопись] И[сторико]-р[одословного] о[бщества]. Вып. 8/9 (52/53). М., 2004. С. 119–123; *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. [88–135]; *Матье М.Э.* Древнеегипетские мифы. М., 1956; *Редер Д.Г.* Мифы и легенды древнего Двуречья. М., 1965; *Те Рангу Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959; *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 19–86 (Гл. I. Скифская генеалогическая легенда); *Ast F.* Entwurf der Universalgeschichte. 2. verm und verb Aufl. Landshut, 1810. S. 29–52; Broadbent m. Studies in greck genealogy. Leiden, 1968.

Фантастическая геральдика – это: 1) сочинение вымышленных гербов; 2) совокупность вымышленных гербов; 3) тематический раздел геральдики, занимающийся изучением вымышленных гербов.

Одну группу вымышленных гербов составляют знаки, приписанные государствам, областям, городам, родам и лицам, в действительности не существовавшим. Эти «гербовладельцы» созданы мифологией, художественной литературой, изобразительным искусством. Другую группу носителей фантастических гербов образуют государства, области, города, роды и лица реальные, но гербами не обладавшие или имевшие другие знаки. К фантастической геральдике следует отнести и соответствующего рода объяснения происхождения и символики реальных гербов.

Сочинение вымышленных гербов началось вскоре после появления гербов вообще. Такие гербы видны, например, на иллюстрациях сцен сражений к «Энеиде» Генриха фон Фельдеке (первая половина XIII в.). Во второй половине XIII в. начал возникать комплекс описаний и изображений гербов

персонажей произведений Артуровского цикла, в середине XVII в. состоявший уже примерно из 190 единиц. В XIV в. во Франции был создан цикл «9 героев» (по три языческих, иудейских и христианских героя), повторенный потом многократно, в том числе в Италии и Германии. «Героев» изображали с гербами на щитах и знаменах.

Немалое количество гербов, приписанных государствам и героям догеральдических эпох, например, Александру Македонскому, Гаю Юлию Цезарю, Гнею Помпею, Вавилону, Афинам и т.п., содержат гербовники и сочинения по геральдике. Значительную «коллекцию» подобных гербов включил в свой гербовник Конрад Грюненберг (1483 г.). «Древние» гербы имеются во многих печатных гербоведческих и других книгах XV–XVII вв. (см. труды У. Рихенталя, И. Геннингеса, Б. Папроцкого⁴, С. Пьетрасанты⁵ и др.). Вереницу «гербовладельцев» открывает Ной, в гербе которого были изображены ключи (иллюстрация к сочинению бельгийского поэта Жана Лемэра, 1-я половина XVI в.). Гербы приписывали государствам и правителям Раннего Средневековья (Карлу Великому и другим). Нередко фантастическими гербами сопровождали информацию о современных их сочинителям странах, о которых в Западной Европе имели слабое представление. Так, русской эмблематической действительности не отвечает герб с противостоящими львом и змием на «Морской карте» Мартина Вальдземюллера из Страсбурга 1516 г. В гербовнике Мартина Шрота (1581 г.) имеется герб Персии, в котором погрудно изображен человек спиной к наблюдателю.

Иногда тем, кто гербов не имел, приписывали реальные знаки иного времени. Цезарю «присвоили» герб в виде черного двуглавого орла на золотом щите. Цезаря считали первым в ряду императоров Древнего Рима, Византии и Священной Римской империи. Герб «священно-римских» императоров приписали древнему деятелю, т.е. актуальную политическую эмблему ввели в ткань прошлого и тем самым удревнили традицию употребления двуглавого орла в гербе Священной Римской империи. Однако были и другие приписанные тому же Цезарю гербы. Флорентийский хронист Джованни Виллани в середине XIV в. писал о гербе Цезаря – золотом орле на червленом щите. Виллани можно привести и как пример фантаста-толкователя реальных гербов. Он писал, что при римском царе Нуме Помпилии было знамение: с неба упал червленый щит и римляне сделали его своим знаменем и гербом, поместив в него позднее золотую надпись «SPQR». Именно таким был герб города Рима в XIV в. Интересный штрих в истории фантастической геральдики связан с Болгарией. В XV в. в западноевропейской среде был сочинен герб для уже несуществовавшего Болгарского царства (три льва, потом один лев). В эпоху Болгарского Возрождения (последняя треть XVIII – 3-я четверть XIX в.) этот герб был воспринят освободительным движением и с учреждением Болгарского княжества стал его символом.

⁴ Статью Г.И. Королева о нем см.: Гербоведение. Т. V. М., 2016. С. 139–141. *Прим. публ.*

⁵ Статью Г.И. Королева о нем см.: Гербоведение. Т. V. М., 2016. С. 143–144. *Прим. публ.*

Во 2-ой половине XVII в. в геральдике начал прокладываться путь критический подход к источникам. Однако далеко не сразу новый метод привел к вытеснению фантазии из гербоведения. Например, в книге Иоганна Кристофа Гаттерера по генеалогии и геральдике правящих Домов и магнатов (1763 г.) турецкому султану был приписан герб, составленный по правилам европейской геральдики из выдуманных фигур, правда, со включением одной, но не геральдической реальной эмблемы Османской империи – полумесяца. А Е.И. Классен и в середине XIX в. полагал, что у Александра Македонского был герб, «изображающий Буцефала и грифа» (*Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов... М., 1999. С. 32*).

В XX в. фантастическая геральдика сохранилась как элемент художественного вымысла, с которым мы встречаемся, например, в сочинениях Дж.Р.П Толкиена.

Фантастические гербы, сочиненные в Средние века и раннее Новое время, являются источниками для изучения знаний людей о прошлом и настоящем, сообщенных в форме рисунков и описаний гербов и гербовых знамен. Содержание гербов и сами факты приписывания гербов кому-либо или чему-либо отражают круг интересов в области истории. Фантастическая геральдика показывает своим, особым образом состояние исторического знания и метод познания.

В задачи изучения фантастической геральдики входит установление побуждений к измышлению гербов; источников, на которых геральдисты основывали свои произведения; выбора геральдических сюжетов, фигур и цветов; оценка вымышленных гербов как выражения исторических интересов и уровня знания, как произведений миниатюристики, как явления культуры.

Лит.: *Королев Г.И.* Фантастические гербы в западноевропейской геральдике XVI в. // *Гербовед.* 1996. № 4 (12). С. 129–135; *Он же.* Символизация царства Органа // *Гербовед.* 1997. № 14 (26). С. 144–147; *Он же.* Геральдика царства пресвитера Иоанна // *Гербовед.* 1999. № 2 (34). С. 87–91; *Он же.* Гербы русских земель в географической энциклопедии XVI в. // *Гербовед.* 1999. № 4 (36). С. 53–57; *Он же.* Геральдика в произведениях А.С. Пушкина // *Гербовед.* 1999. № 5 (37). С. 39–43; *Он же.* Башня как знак России в иноземных источниках XV–XVII вв. // *Гербовед.* 2002. № 1 (55). С. 13–15; *Он же.* Символизация Цезаря и Августа (с древних времен по XVII век) // *Гербовед.* 2002. № 1 (55). С. 27–33; *Он же.* Герб Анны Ярославны // *Гербовед.* 2003. № 5 (65). С. 44–45; *Он же.* Вымышленные гербы Македонии в геральдике XVI–XVII вв. // *Проблемы славяноведения: сб. научн. статей и м-лов.* Вып. 7. Брянск, 2005. С. 17–22; *Зверев С.В.* Нюрнбергский счетный жетон конца XVI в. с изображением фантастического герба Константинополя // *Гербовед.* 2004. № 9 (75). С. 65–70; *Багаев В.П.* Гербы короля Артура и рыцарей Круглого стола // *Гербовед.* 2003. № 5 (65). С. 18–35.